

Тессония Одетт

ВКУС ЯДА

18+

РЕТЕЛЛИНГ «БЕЛОСНЕЖКИ»

Тессония Одетт
Вкус яда
Серия «Young Adult.
Связанные узами с фейри»
Серия «Связанные
узами с фейри», книга 4

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68930049

Вкус яда: Эксмо; М.; 2023

ISBN 978-5-04-184280-2

Аннотация

Астрид – нечистокровная фейри. Свою магию она считает проклятием, ведь девушка, словно зеркало, отражает все самые худшие черты тех, кто впервые встречается с ней взглядом. Когда Астрид обвинили в отравлении, ей оставалось только одно – бежать, тем более что сейчас ее главный враг – правительница Весеннего королевства.

Торбен – оборотень. Юноша вынужден служить членам королевской семьи, выполняя роль Охотника, и с помощью своей магии выискивать беглецов. Однажды королева предлагает ему сделку в обмен на свободу. Охотнику необходимо принести сердце Астрид.

Теперь девушка должна убедить Торбена стать ее союзником. Сможет ли фея растопить ледяное сердце оборотня и вместе с ним отыскать настоящего убийцу?

Содержание

Пролог	7
Глава I	15
Глава II	31
Глава III	47
Глава IV	65
Глава V	76
Глава VI	94
Глава VII	107
Глава VIII	117
Глава IX	127
Глава X	143
Конец ознакомительного фрагмента.	146

Тессония Одетт

Вкус яда

Tessonja Odette

A Taste of Poison: A Snow White Retelling

Copyright © 2022 by Tessonja Odette

© Хусаенова Я., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

ФЕЙРИВЭЙ

Пролог

АСТРИД

Лес за пределами дворца Фейрвезер¹ никогда еще не выглядел таким зловещим. Чем глубже я захожу, тем сильнее сгущается темнота вокруг, а единственным путеводителем мне служит луч лунного света. Ветви, словно когтистые лапы, тянутся ко мне, царапают щеки, цепляются за выбившиеся пряди волос. Я игнорирую их, сосредоточив все свое внимание на следующем шаге. Стараюсь идти быстрее, отчего мое дыхание становится затрудненным. Я приподнимаю подол платья и нижние юбки, чтобы те не цеплялись за подлесок. Под изодранными в клочья шелковыми чулками мои ноги горят от усталости. Мышцы умоляют меня остановиться.

Но я не могу. Еще нет. Пока не окажусь достаточно далеко от дворца.

Ты должна бежать, Астрид. Другого выхода у тебя нет.

Слова Мэрибет эхом отдаются в моей памяти, заставляя ноги двигаться быстрее. И еще быстрее. Как бы сильно мое сердце ни жаждало вернуться, чтобы увидеть похороны отца, моя горничная права. Она знает, кто я. Знает, что с мо-

¹ Дворец ясной погоды

ей магией я никогда не смогу завоевать доверие людей. Тем более когда речь идет об убийстве.

Королева не станет устраивать суд. Она убьет тебя собственными руками. Ты должна бежать, Астрид.

Каждое слово Мэрибет было правдой.

Меня и мою мачеху – зримую правительницу Весеннего королевства – разделяли почти три года ненависти и зависти. Так что я уверена – она ни за что не поверит в мою невиновность. Мне повезло, что она не убила меня в тот момент, когда обнаружила рядом с телом отца.

Телом, которое с каждой минутой становится все холоднее.

Телом, с которым у меня никогда не будет шанса попроситься.

Мысль об этом почти заставляет меня развернуться, но я напоминаю себе об ужасающей ярости королевы, о том, как скривились ее губы, прежде чем она заявила: «Это твоих рук дело».

Словно я убила ее мужа. Моего отца. Самого близкого мне человека.

После этого мачеха приказала своим охранникам оттащить меня от трупа отца и увести в мою спальню. Хотя, судя по угрозе, таившейся в ее жесте, она вполне могла иметь в виду темницу. Тогда я поняла, что по сравнению с обвинениями королевы Трис моя невиновность не имеет никакого значения. Заперев меня в комнате, она только выжидала

удобного момента. Изображала из себя справедливую правительницу, собирающую доказательства, прежде чем осудить меня за преступление, в котором, по ее мнению, я виновна. Не проберись Мэрибет в мою комнату через служебный вход и не уведи меня, я была бы уже мертва.

Как мой отец...

Я пытаюсь подавить в себе желание зарыдать, которое уже подступает к горлу. Оно обжигает мои легкие, словно пламя. Лучше не плакать. Не позволять пролиться и слезинке. Потому что я и так с трудом могу разобрать, куда иду.

В попытках успокоиться я задираю подол юбки еще выше и бегу быстрее.

Перед моим внутренним взором встает лицо отца. Улыбка, на секунду растянувшаяся на его губах, прежде чем он, схватившись за горло, пошатываясь, отошел от обеденного стола.

Крик срывается с моих губ. Я качаю головой, но на место прежнего видения приходит образ отца, неподвижно лежащего на полу. Черные вены тянутся по его коже от губ к ушам и вниз, по шее...

Мое сердце сжимается, отчего я начинаю рыдать. Мои колени подгибаются, и я едва удерживаюсь на ногах. Ухватившись за ближайшее дерево, глубоко дышу в попытке подавить подступающие порывы истерики. Я крепко зажмуриваюсь, но лицо моего отца не исчезает. От стоны у меня вздымается грудь, и я открываю глаза.

Первое, что я вижу, – кто-то высокий и стройный пристально смотрит на меня. Я едва не падаю в обморок, с ужасом полагая, что королева Трис пришла за мной. Я вижу ее гибкую фигуру, ее коричневую, похожую на кору кожу, украшенную завитками, ее увенчанную ежевикой голову с цветами вишни вместо волос.

Я моргаю несколько раз, пока мое зрение не проясняется. Передо мной стоит не Трис, а вишневое дерево, такое же, как и все остальные в Весеннем королевстве. Его кору и покрытые цветами ветви освещает бледный свет луны.

Я с облегчением вздыхаю. Во время минутной паники мои рыдания затихли, уступив место логике. Не время горевать. Мне не удастся уйти далеко от дворца с печалью, что тянет назад.

С еще одним тяжелым вздохом я запускаю руку в карман своего шерстяного пальто и достаю пузырек. Дрожащими пальцами поворачиваю колпачок и вынимаю из рубиновой жидкости пипетку. Откидывая голову назад, я высываю язык. Одна капля. Две.

Как только я закрываю пузырек, приходит спокойствие. Оно распространяется от моей груди к голове, затем вниз, к пальцам ног. Я погружаюсь в легкую эйфорию, которая, как я знаю, скоро пройдет. Она всегда проходит.

– Яд, – слышится слева от меня неземной, леденящий душу голос.

Я едва не роняю пузырек, но крепко сжимаю его в руке и,

засунув в карман, поворачиваюсь к говорящему.

Огромное существо мужского пола, похожее на лошадь, выходит из тени между деревьями. Его черная грива будто бы колышется на ветру, которого я почему-то не чувствую. Я не рискую смотреть незнакомцу в глаза, но они светятся достаточно ярко, чтобы я смогла разглядеть их красный оттенок. От размера его массивных копыт у меня по спине пробегает дрожь.

– Келпи², – говорю я себе под нос, отступая назад. Единственное, что не позволяет страху взять надо мной верх, – настойка, согревающая мою кровь и успокаивающая нервы. Даже рядом с обычными лошадьми меня охватывает приступ нерациональной паники, а келпи боится каждая живая душа. Пусть за последние несколько лет им и удалось улучшить свою некогда ужасающую репутацию, это еще не значит, что именно этот келпи безобиден. Несмотря на то что Фейривэй – остров, где люди и фейри живут в единстве, мерзких существ здесь так же много, как и плохих людей. Законы, принятые королевской семьей и запрещающие обман со злым умыслом и применением магии, могут зайти далеко.

– Пурпурный малус, – произносит в ответ келпи. – Я чувствую его запах.

Его губы не шевелятся, а голос исходит откуда-то изнут-

² *Келпи* – в шотландской низшей мифологии водяной дух, обитающий во многих реках и озерах. Келпи большей частью враждебны людям. Являются в облике пасущегося у воды коня, подставляющего путнику свою спину и затем увлекающего его в воду.

ри. Некоторые фейри способны общаться, не используя голосовые связки или рот. Келпи приближается, побуждая меня сделать еще два шага назад. Мое сердце колотится от близости его огромных копыт. – Должно быть, ты не человек, раз можешь принять этот яд и остаться в живых.

Он прав. Я человек только наполовину, но предпочитаю об этом не говорить.

– Скорее всего, ты заблудилась, – продолжает он с фальшивым сочувствием в голосе. – Подойди. Я отведу тебя куда захочешь.

Этой фразы достаточно, чтобы я убедилась: этот келпи замыслил что-то недоброе.

– Я знаю, что ты хочешь сделать, – говорю я, стараясь, чтобы мой голос звучал уверенно. – Ты планируешь взвалить меня на спину, обернуть своей гривой мои запястья и утопить меня в ближайшем водоеме. Разве я ошибаюсь?

Келпи издает что-то похожее на смешок.

Мне остается только одно.

Сделав глубокий вдох, я пытаюсь избавиться от охватившего меня ужаса, скручивающего мой желудок узлом, и отдаюсь воздействию настойки, которая способна расслабить меня. Я стараюсь думать только о приятном. Мягкий текстиль. Детеныши животных. Блеск утренней росы на ярко-зеленой траве. Как только мои эмоции приходят в норму, я встречаюсь с келпи взглядом. Моя вездесущая магия с низким гулом вырывается наружу, окутывая меня невидимым

саваном. Обычно я считаю магию проклятием моего существования, но прямо сейчас она – единственное оружие, что у меня есть.

Келпи напрягается.

Наступает моя очередь подойти ближе.

– Откуда ты знаешь, что я не сделаю то же самое с тобой? Уверен, что я не келпи? Возможно, мне хочется, чтобы ты затащил меня в озеро. Потому что тогда я сделаю с тобой то, что первоначально ты сам планировал сделать со мной.

Несколько секунд существо, ничего не произнося, оценивающе смотрит на меня. Когда он отвечает, в тоне его слышится любопытство.

– А мы ведь похожи, верно? Ты бесстрашная. Опасная.

– Так и есть.

Я нагло лгу, но это не имеет значения. Когда люди смотрят на меня через призму моей магии, они видят только себя самих. Поэтому на мои дрожащие плечи и подкашивающиеся ноги не обращают внимания. Келпи увидит только отражение собственных качеств.

Я не жду, пока он скажет еще хоть слово. Задержав на нем свой взгляд, я говорю:

– Даже не думай меня преследовать.

После чего я убегаю.

Я бегу до тех пор, пока из легких не исчезает весь воздух.

Я больше не могу ничего чувствовать.

Пока безжизненное, пропитанное ядом лицо моего отца

не прячется на задворках моего сознания.

Глава I

Два месяца спустя

АСТРИД

Тысячи людей видели мое лицо, и все же никто не знает, как я выгляжу. Каждый смотрит на меня, но на самом деле не замечает. Такова участь зеркала. Кое-что люди замечают – они могут видеть, что я делаю, как сижу, где стою, но, как только поблизости никого не остается, я становлюсь безликой. Без каких-либо качеств. Кем-то, кого легко забыть. Рамой без картины. Только встретившийся со мной взглядом способен получить истинное впечатление обо мне. Момент зрительного контакта настолько силен, что формирует то, какой именно меня будут видеть впоследствии.

И все это зависит от моего быстро меняющегося настроения.

Я чувствую укол боли в сердце. Первый признак того, что легкая эйфория от настойки испаряется. Спокойная жизнерадостность, которую я ощущаю, скоро перейдет в полнейшее бесчувствие. А затем превратится в апатию. После этого

я останусь с... Даже думать об этом не хочу.

Я осматриваю кафе и обнаруживаю, что никто не смотрит в мою сторону. Не то чтобы это имеет хоть какое-то значение. Даже если меня поймают за чем-то непристойным, я легко смогу изменить его мнение, просто встретившись с ним взглядом. Прячась за стеной стоящего в углу столика, я достаю из кармана юбки пузырек. Одним движением запястья я кладу пипетку под язык. Одна капля. Две.

Я вздыхаю, поворачиваюсь лицом к остальной части заведения и помещаю в карман настойку. Боль отступает, сменяясь теплым успокаивающим чувством. Воспоминаниями о весенних вечерах и самых ярких оттенках акварели, растекающихся по бумаге, текстурой напоминающей облака.

Мои губы изгибаются в безмятежной улыбке, когда я осматриваю комнату. Завтрак подали час назад, но несколько посетителей все еще сидят за столиками, потягивая чай из фарфоровых чашек, сплетничая или наслаждаясь выпечкой. Окна, расположенные в дальнем конце комнаты, пропускают яркий утренний свет. К счастью, кафе охлаждается ледяными вентиляторами, которые работают от электричества, проходящего по наполненным магией лей-линиям³, пересе-

³ *Лей-линии* – понятие, на сегодняшний день считающееся псевдонаучным, называющее линии, по которым расположены многие места, представляющие географический и исторический интерес, такие как древние памятники, мегалиты, курганы, священные места, природные хребты, вершины, водные переправы и другие заметные ориентиры. Из лей-линий складываются геометрические формы разных масштабов, которые все вместе образуют единую сеть – предположи-

кающим остров Фейривэй. В противном случае постоянная жара, царящая в Огненном королевстве, уже высосала бы из комнаты весь воздух, даже в такое раннее утро.

Почти каждое здание отеля «Семь грехов» оснащено охлаждающей системой, что и делает курорт в городе Иррида таким популярным. Являясь центром торговли между тремя северо-восточными королевствами Фейривэя – Огненным, Звездным и Осенним, – это место постоянно наполнено суетящимися местными жителями, туристами и торговцами. Как феири, так и людьми. Лучшим заведением, способным удовлетворить все потребности гостей, является отель «Семь грехов». Сам по себе курорт похож на небольшой город с семью районами, каждый из которых отвечает за удовлетворение определенных потребностей. Кафе, в котором я сейчас сижу, расположено на втором этаже Отдела Обжорства. Первый этаж отведен под мясные, бакалейные и другие лавки с продуктами, в то время как на верхних этажах можно найти более изысканные рестораны. А если подняться на самый верх, на восьмой этаж, куда пускают не каждого, то у вас появится возможность полакомиться запретными или – того хуже – незаконными деликатесами. Не то чтобы я там когда-либо бывала. В основном я посещаю либо рынок, либо это кафе.

Я допиваю остатки чая – к счастью, остывшего – и сосредотачиваю свое внимание на столике, за которым наблю-

даю уже больше часа. Джентльмен в изысканном сером костюме и с повязанным на шее шелковым галстуком сидит один, совсем не обращая внимания на то, что я наблюдаю за ним поверх своей чашки. Человек. Среднего возраста. Ухоженные усы скрывают тонкую верхнюю губу, а залысины демонстрируют суровый лоб. Тем не менее благодаря остроуму подбородку и сверкающим голубым глазам многие мечтающие поскорее выйти замуж женщины Ирриды не упускают шанса назвать его красивым. Однако я уверена, что не внешность заставляет представительниц прекрасного пола так благосклонно отзываться о нем, а тот факт, что этот мужчина владеет одним из самых быстроходных торговых кораблей в северном Фейривэе, а значит – и неплохим состоянием.

Мужчина давно закончил завтракать и теперь просматривает газеты, отрываясь от чтения только для того, чтобы отхлебнуть чаю или взглянуть на свои латунные карманные часы. Основываясь на предыдущих днях слезки, которая проходила в это же время в этом же кафе, я знаю, что мужчина скоро отправится на первую запланированную на сегодня встречу.

А это значит, что пришло время заняться тем, что у меня получается лучше всего.

Оставив свой стол и пустую чашку, я разглаживаю синюю атласную юбку – скорее по привычке, чем по необходимости – и расправляю закатанные рукава белой блузки. После этого

я подхожу к столу, за которым сидит мужчина, и встаю перед ним. Не отрываясь от своей газеты, он говорит:

– Мне больше ничего не нужно.

Я несколько не удивлена тому, что он принял меня за официантку. Учитывая, что в данный момент я для него не более чем покрытая туманом фигура, подобное предположение вполне логично. Оторви он взгляд от газеты, заметил бы кое-что. Возможно, то, что перед ним женщина. Позу, в которой я стою. Белые кружевные перчатки. Тем не менее это совсем неважно, поскольку он предполагает, что любой, приблизившийся к нему без приглашения, подошел, только чтобы обслужить его. Я тянусь к стоящему напротив мужчины стулу и, прежде чем присесть, отодвигаю его от стола. Это привлекает внимание объекта моей слежки.

Он медленно опускает газету и хмуро смотрит на меня.

Наши взгляды встречаются.

Мое сердце сжимает вспышка паники, которая охватывает меня всякий раз, когда я встречаюсь взглядом с кем-то, особенно с незнакомцем. Я не знаю, является ли это частью моей магии или простой эмоциональной реакцией. Я позволяю бодрящему эффекту настойки унять минутный дискомфорт и переключаю свое внимание на ощущение собственной магии. Она переходит от постоянного низкого гула к реву. Когда этот рев заключает меня в свои удушающие объятия, выражение лица мужчины меняется. По мере того как формируется его впечатление обо мне, раздражение сменя-

ется любопытством. Будь я в плохом настроении, он бы увидел отражение своих худших качеств. Но поскольку настойка пурпурного малуса делает меня такой же довольной, как резвящийся на лугу кролик, мужчина видит только то, что считает своими достоинствами.

Изучая его, я продолжаю кривить губы в ничего не выражающей улыбке. Постепенно и мужчина меняется в моих глазах. Точнее, все, что с ним связано, становится более очевидным. Его плечи излучают высокомерие, наклон подбородка кричит о превосходстве, а покрой пиджака подчеркивает гордость за собственную зажиточность. Он наслаждается своей уверенностью. Считает свою властную натуру великой добродетелью.

Когда мужчина выпрямляется на своем стуле, я знаю – теперь он видит во мне то же самое. Вместо моих подержанных юбки и блузки он воображает что-то новое, сшитое на заказ. Вместо коротко подстриженных иссиня-черных волос и выбившихся прядей этот мужчина, возможно, увидит безупречную укладку. Он будет интерпретировать каждую из моих черт как качества, которые больше всего любит в самом себе. Моего истинного лица он не увидит.

Теперь, когда его впечатление сформировалось, пришло время посмотреть, как он отреагирует.

Мужчина смотрит на меня еще несколько секунд и краснеет. Наконец его взгляд становится жестким.

– Вы слишком самонадеянны, мисс. Мы незнакомы. По-

этому вам не следует так нагло подсаживаться ко мне.

– Тогда давайте познакомимся, потому что мне бы этого очень хотелось, – говорю я, хотя уже точно знаю, кто он такой. Ложь легко слетает с моего языка – преимущество человеческой крови, которую я унаследовала от отца. В отличие от чистокровных фейри, я могу приукрасить действительность.

– Меня зовут мисс Мэллори Мэнсфилд. А вас?

Уголок его рта начинает подергиваться.

– Я не попадусь на вашу уловку, – заявляет он, поднимаясь на ноги. – Можете попытаться очаровать другого состоятельного мужчину. Всего хорошего, мисс Мэнсфилд. – Мужчина берет свою газету и уходит.

В попытке подавить смешок я поджимаю губы и возвращаюсь к своему столику. Судя по реакции, этот человек, должно быть, оценил собственную способность хитрить ради получения выгоды. Несмотря на то что наша встреча оказалась намного короче, чем я ожидала, она позволила мне узнать все, что было нужно.

* * *

– Орсону Карверу нравятся покорные женщины, – говорю я женщине-человеку, что сидит за столом напротив меня. Помещение, более теплое, чем кафе, охлаждает только маленький ледяной вентилятор, борющийся со струящимся

через закрытые ставни жаром. Небольшую комнату освещает только приглушенный солнечный свет, а стены оклеены малиновыми обоями, от которых все вокруг окутано розовым сиянием. И все же это никак не может скрыть румянец, вспыхнувший на щеках мисс Хампстед. Еще более красноречивым является ее вытянувшееся лицо.

Я несколько не удивлена ее разочарованием. С первой встречи я поняла, что мисс Хампстед смелая женщина, очень похожая на ту версию меня, которую мистер Карвер видел час назад. Его негативное отношение ко мне объясняет, почему мисс Хампстед так и не смогла завоевать его расположение.

– Покорные женщины, – повторяет она.

Я киваю.

– И его выводит из себя одна только мысль о том, что женщина охотится за его состоянием. Он ищет тихую и скромную спутницу, которая позволит ему взять инициативу в свои руки. Ему не нужна привлекательная жена, только послушная.

Это одно из первых наблюдений, которые я сделала за несколько дней слежки за ним. Было легко заметить, как меняется его поведение при общении с разными людьми. Не могу понять, как мисс Хампстед сама этого не заметила. С другой стороны, я научилась различать самые тонкие изменения в людях. Будучи почти невидимой, я могла беспрепятственно практиковаться в искусстве изучения чужих ре-

акций.

Мисс Хампстед вздергивает подбородок.

– Не знаю, как вы можете называть себя свахой, мисс Лотти Лавкрафт, если это все, на что вы способны.

Я пожимаю плечами. Поскольку пурпурный малус все еще согревает мою кровь, ее раздражение никак не влияет на мое настроение.

– Во время нашей первой консультации я подробно описала вам свои услуги. Вы знали, что информация, которую я предоставлю, подскажет вам, как заслужить расположение мистера Карвера. Остальное уже зависит от вас.

– Стоит отдать вам должное, вы весьма прямолинейны.

Я не утруждаю себя ответом. Я так много раз слышала фразу, начинающуюся с «вы...», но после всегда следует прилагательное, никак ко мне не относящееся.

Вы очень добры.

Вы так жестоки.

Вы прекрасны.

Вы самая отвратительная девушка, которую я когда-либо встречал.

Нашелся только один человек, невосприимчивый к моей магии. Один человек, который видел настоящую меня.

Но теперь этот человек мертв.

– Так и быть, – говорит она, протягивая маленький бархатный мешочек.

Я заглядываю внутрь и нахожу шесть сфер из сверкающе-

го опала – валюту Огненного королевства.

– Мы договаривались на десять опаловых фишек, мисс Хампстед, – резко замечаю я. Ее попытка обмануть меня так же предсказуема, как и ее разочарование в моем отчете о мистере Карвере. Может, она и неприлично богата, но я знала, что она скупердяйка, с того самого момента, как впервые встретила с ней взглядом.

Раздраженно вздохнув, она открывает свою маленькую, расшитую бисером сумочку и, достав из нее еще четыре опаловых фишки, кладет их на стол.

– Всего хорошего, мисс Лавкрафт. – Примерно так же, как мистер Карвер покинул мою компанию час назад, мисс Хампстед выходит из комнаты, не потрудившись закрыть за собой дверь.

Я встаю из-за стола и прибираю оставленный в маленькой комнате беспорядок, раскладываю красные шелковые подушки вдоль стен аккуратными, удобными стопками. Не то чтобы они были чем-то большим, чем украшение, помогающее создать подходящую для борделя атмосферу. В соседних комнатах подушки и мебель используются для романтических сделок, о которых я бы предпочла совсем не думать. С того момента, как я открыла магазин в Доме удовольствий мадам Дезире, в этой комнате пользовались только столом и только для консультаций с моими клиентами. Тем не менее я оставила подушки. Мне нравится, как они выглядят. Довольно милые, они добавляют комнате тепла и уюта.

Чья-то фигура заслоняет дверной проем, и я вижу мадам Дезире, прислонившуюся к косяку. На ней красное облегающее платье из паутинного шелка, которое хоть и прикрывает каждый дюйм ее тела, каким-то образом все же оставляет очень мало места для воображения. В данный момент ее кожа бледно-розовая, составляющая контраст с малиновыми волосами, которые струятся вокруг волнистыми, невесомыми локонами. С одной стороны идеальные пряди заколоты гребнем в форме сердца, благодаря чему можно заметить остроконечное ухо – признак чистокровной феяри. Мои же уши круглые, как у человека.

Голос мадам Дезире звучит мягко и страстно, пока она, глядя на меня, хлопает темно-розовыми ресницами.

– Напомни, почему я позволяю тебе работать на меня, когда половина твоих клиентов уходит в раздражении.

Я усмехаюсь и подхожу к ней с протянутой рукой. Она раскрывает ладонь, на которую я бросаю пять опаловых фишек. Какие бы дела я ни проворачивала, в отличие от куртизанок мадам Дезире, с которыми та обращается как с королевами и которым не скупится на жалованье, я обязана отдавать половину заработка. Это не значит, что она плохо со мной обращается. Просто пока не прошло достаточно времени, чтобы доказать, что я заслуживаю повышения.

– Потому что мне все еще платят, а значит, и вам тоже.

Она закидывает четыре фишки в декольте своего платья, но одну оставляет на ладони и проводит большим пальцем

по гладкой поверхности опала.

– Полагаю, наше соглашение вполне логично, мисс Лавкрафт. – Мадам Дезире произносит это имя с насмешкой. Даже если она прекрасно знает, что это не мое настоящее имя (на самом деле, в борделе мадам Дезире все пользуются псевдонимом), она никогда не задает вопросов о моей истинной личности. Она понятия не имеет, что я Астрид Сноу, беглая принцесса. К тому же она не выглядит даже отдаленно заинтересованной. Эту черту я ценю как в мадам Дезире, так и во всем отеле «Семь грехов». Это место наполнено беглецами, пороками, фантазиями и удовольствием. Но не правдой. Вот почему для меня это идеальное место, чтобы спрятаться.

– Хотя, – говорит она, постукивая ногтем цвета фуксии по подбородку, – я все еще не понимаю, почему ты отказываешься работать, как это делают мои куртизанки. С таким милым личиком, как у тебя, ты бы приносила нам гораздо больше, чем дюжину фишек в неделю.

Я едва сдерживаю смех, потому что для меня дюжина опаловых фишек совсем не кажется жалкой. Опаловые фишки – самая высокая форма валюты Огненного королевства, а опаловые марки – самая низкая. Кроме того, мадам Дезире не имеет ни малейшего представления о том, что посетители ее борделя не будут воспринимать меня так же, как она. Она видит меня красивой. Желанной. Существом невероятно чувственным. Вместо этого я всего лишь нечистокровная бег-

лянка, разыскиваемая за убийство правительницей Весеннего королевства. Я совсем не похожа на знойных, соблазнительных нимф и суккубов⁴, которыми славится бордель. Именно они выделяют «Дом удовольствий мадам Дезире» среди других борделей Фейривэйя. Это место единственное, где легально можно увидеть куртизанок-фейри. Все остальные бордели фейри были объявлены вне закона еще десятилетия назад. Кроме того, у меня нет никакого желания работать в данной области.

– Я предпочитаю сохранить свою профессию, мадам Дезире.

Она изучает меня прищуренным взглядом, как будто замечает что-то, чего раньше не видела. Мой пульс учащается от паники и в то же время от надежды. Учитывая, что никто, кроме моего отца, никогда не мог ничего рассмотреть сквозь мою магию, возможность того, что это может случиться снова, кажется смехотворной. Иногда я готова все отдать, лишь бы меня по-настоящему увидели. Чтобы услышать, как кто-то произносит эти страшные слова – «вы...», но чтобы на этот раз за ними последовала правда. Интересно, пойму ли я, что это правда, когда услышу ее? Я провела так много времени, слушая, как меня описывают, словно чужое отражение, что даже не уверена, какую себя хочу сделать видимой.

⁴ *Суккуб* – в средневековых легендах демон похоти и разврата, посещающий ночью молодых мужчин и вызывающий у них сладострастные сны, персонаж низшей мифологии народов Европы.

Мадам Дезире напрягается, слегка изгибая верхнюю губу. Разочарование и облегчение одновременно захлестывают меня. Я узнаю этот взгляд. Я видела его столько раз, что уже сбилась со счета. Ее пристальный взгляд был вызван не тем, что она сумела что-то рассмотреть сквозь мою магию, а тем, что она обнаружила нечто новое в своем собственном отражении. Или, точнее, что-то знакомое, любимое и заветное. Что-то, что она любит в себе... но не в других.

Мадам Дезире склоняет голову набок.

– Я размышляю, не планируешь ли ты использовать свою профессию, чтобы украсть что-нибудь ценное у одного из наших клиентов и оставить меня с рыдающей девушкой и судебным иском на руках.

Владелица борделя произносит эти слова с улыбкой, в ее тоне слышится легкая насмешка, но я знаю, что она действительно беспокоится.

– Любовь не входит в мои планы, мадам Дезире. Я предпочитаю оказывать услуги другого рода.

Здесь есть лишь доля правды. Я совсем не лгу, что искать любовь для меня – полнейшее безумие, но и оказывать услуги другим я первоначально не хотела. К тому же я уже успела узнать, что значит стать объектом ухаживаний человека, который влюблен только в себя.

Улыбка мадам Дезире становится шире, когда она отталкивается от дверного косяка.

– Как скажете, мисс Лавкрафт.

Когда она уходит, я задаюсь вопросом, сколько времени пройдет, прежде чем ее начнет ко мне тянуть. Так всегда происходит.

Обратная сторона моей магии. Как только я произвожу на человека впечатление, его уже нельзя изменить.

Каждый раз, когда я встречаюсь с объектом взглядом, он видит один и тот же образ. Я не могу отключить свою магию. Не могу перестроить ее. Лучшее, на что я способна, – это управлять своим настроением и стараться производить на других только положительные впечатления. Но даже это сопряжено с риском. Не всем людям нравится видеть в другом человеке свои самые заветные качества. Часто, когда это происходит, наступает момент, когда все меняется. Восхищение превращается в зависть. Уважение – в презрение. Особенно когда лучшие качества человека тесно сплетены с худшими. Я только надеюсь, что благосклонность мадам Дезире продлится дольше благосклонности моего последнего работодателя, потому что я не готова уходить. Я живу в отеле «Семь грехов» всего месяц, и мне здесь нравится. Мне нравится музыка, свет, вибрация. Мне даже нравятся темные стороны этого места, такие как бойцовская яма в Отделе Гнева, например. Больше всего мне нравится использовать свою магию так, чтобы чувствовать себя полезной.

Это напоминает мне о времени, когда отец был еще жив. В прошлом моя магия помогала его работе портретистом. Я присутствовала на встречах, чтобы увидеть, что именно кли-

енты отца ценят в себе больше всего, а после передавала ему полученную информацию. Это был наш секрет, который, по его словам, являлся ключом к успеху, потому что позволял раскрывать скрытые качества каждого портрета и удовлетворить даже самых требовательных клиентов.

Так было до того, как он нарисовал королеву Трис. До того, как три года назад он покорила ее своим захватывающим дух талантом. До того, как он умер, оставив меня на милость своей мстительной вдовы, женщины, которая скорее оторвет мне голову, чем сочтет невиновной в преступлении, в котором обвиняет.

Я вздрагиваю, когда ее последние слова эхом проносятся в моей голове.

Это твоих рук дело.

Утешает одно – мой заклятый враг понятия не имеет, как я выгляжу. Она могла узнать меня только по тому впечатлению, которое сложилось три года назад, когда я присутствовала на ее встрече с отцом, шепотом передавая свои открытия и наблюдая, как он воплощает лучшие качества королевы в ярких оттенках коричневого и розового. Она может послать на мои поиски любых охотников за головами и убийц.

Никто из них не найдет девушку, соответствующую ее описанию.

Никто никогда не отыщет меня, если только правительница Весеннего королевства сама не отправится на мои поиски.

Глава II

ОХОТНИК

Она здесь. Я понимаю это, как только поднимаюсь на дюну и впервые вижу арку из солнечного камня, которая знаменует вход в город Иррида. Слава цветущему аду, моя цель близка, потому что чем скорее я выполню свое задание, тем быстрее смогу выбраться из этой жуткой жары. Огненное королевство – не место для медведя. По крайней мере, не для того медведя, что привык к более прохладному климату Весеннего королевства.

Справа по рельсам проносится поезд, и теплый ветерок треплет мою шерсть. Я втягиваю воздух, улавливая ароматы угля, стали и различных грузов. В самом конце поезда находится пассажирский вагон. Едва уловимый запах кожи, волос и пота говорит мне, что внутри в основном люди, хотя я также чувствую запахи, несомненно, принадлежащие фе́йри – древесный привкус от земных и соленый от морских. Чувство зависти пронзает меня, когда я представляю охлажденный вагон. Не будь я вынужден идти по следу своей цели пешком, тоже бы поехал на поезде. Только если вдруг между остановками ее запах изменит курс, я хотел бы знать об этом

заблаговременно, чтобы и самому изменить направление. А это не так-то просто сделать, мчась на головокружительной скорости через пустыню. Хотя похоже, что сбежавшая принцесса проехала на поезде прямо из Люменаса в Ирриду без каких-либо изменений в маршруте.

Когда поезд въезжает в город, забрав с собой дарящий временное облегчение ветерок, я, задыхающийся от жары, остаюсь позади и высовываю язык. Царапая землю лапами, я ищу под обожженными солнцем верхними слоями более прохладный песок. Еще несколько мгновений я наблюдаю за въездом в город. Сделав глубокий вдох, улавливаю неповторимый аромат, за которым следую уже две недели. Теперь он сильнее, чем когда-либо.

А значит – она точно здесь.

Я в предвкушении. Переношу свой вес на задние лапы, а после поднимаю передние, пока не встаю во весь рост. С дрожью, которая пробегает от ушей до когтей, мое тело словно начинает сжиматься, коричневый мех исчезает, сменяясь гладкой плотью.

Когти превращаются в ногти, а лапы – в руки. Вскоре моя незримая форма медведя становится явной. Способность переключаться между двумя обликами довольно распространена среди фейри. Незримая форма – это наше естественное проявление, в то время как зримая смоделирована по человеческому подобию. Однако не все зримые тела убедительно имитируют человеческие. Многие сохраняют звериные чер-

ты – уши, хвосты, рога – или что-то еще, не относящееся к людям. Тем не менее моя зримая форма настолько незаметна, насколько это вообще возможно. Если бы не заостренные уши и высокий рост, я мог бы сойти за обычного мужчину-человека.

Избавление от меха приносит некоторое облегчение, но я все еще одет в последнее, что носил, находясь в зримой форме, – вечерний наряд со всеми полагающимися деталями. Это одеяние прекрасно подходило для охоты в Люменасе, городе, полном театров, но в Огненном королевстве оно совсем не к месту. Я хмуро смотрю на песок, медленно поглощающий мои начищенные туфли, и сбрасываю сюртук. Перекинув его через плечо, я закатываю рукава, снимаю галстук и расстегиваю жилет. После чего направляюсь к городу.

Достигнув арки из солнечного камня, я прохожу под ней и ступаю на тротуар. Фаэтоны⁵ и другие открытые экипажи проезжают по улице Ниман – главной магистрали, проходящей через весь город. В это же время на тротуарах толпятся пешеходы, время от времени останавливающиеся у рыночных прилавков и витрин магазинов.

Я протискиваюсь мимо и продолжаю идти по улице, следуя за запахом, который, несомненно, принадлежит Астрид

⁵ *Фаэтон* – персонаж древнегреческой мифологии. Выпросил у своего отца Гелиоса позволение править солнечной колесницей, но его упряжка погубила его: кони неумелого возницы отклонились от правильного направления и приблизились к Земле, отчего та загорелась. Гея взмолилась к Зевсу, и тот сразил Фаэтона молнией. Фаэтон рухнул в Эридан и погиб.

Сноу. Этот аромат, на котором я предельно сосредоточен, напоминает утреннюю росу, цветение яблони и лимон. У всех существ есть свой личный запах, полученный из смеси тела, разума и души, создающий уникальные духи. Будь она всего лишь незнакомкой в толпе, я бы ограничился беглым вдохом. Но, поскольку мисс Сноу – моя цель, ее запах выделяется среди пота, песка и других тел, как золотая нить на простом гобелене.

Я стараюсь не думать о том, что мне придется сделать, когда отыщу сбежавшую принцессу, только о том, почему я должен это сделать. Теперь у меня нет другого выхода. Я заключил сделку.

Найди Астрид Сноу и принеси мне ее сердце.

Как личный охотник за головами королевских семей, призванный на службу в наказание за гору долгов, которые накопил, я не могу отказываться от работы, предоставленной королями и королевами Фейривэйя. Я должен выполнять подобные задачи, пока не закончится срок моего наказания, поэтому я просто делаю свое дело, не задавая лишних вопросов. Но я мог бы отказаться выполнять последнюю часть. Мог бы пообещать сделать только то, из-за чего и прославился. Найти беглянку и вернуть ее живой для проведения суда.

Принеси мне ее сердце. Тогда я забуду про твои долги, а твоё наказание будет окончено.

Желание стать свободным. Вот что движет мной сейчас. Вот что заставило меня сказать «да» две недели назад, ко-

гда правительница Весеннего королевства попросила совершить мерзкий поступок, далеко выходящий за рамки того, что требовалось от меня обычно. Мне нужно только отнять одну жизнь, и тогда мой столетний срок рабства закончится всего-то спустя пять лет. Только тогда я смогу снова сколотить состояние. Только тогда у меня появится шанс выкупить наследство, которое я так опрометчиво проиграл. Пусть у меня и бессмертная жизнь, но каждая минута, пока я несу груз своего позора, кажется чистейшей агонией. Если ради того, чтобы вернуть то, что оставил мне отец, придется убить одну кровожадную девчонку, то так тому и быть.

Тем более она вполне этого заслуживает, учитывая преступление, которое совершила, непростительный метод, который использовала, чтобы убить Эдмунда Сноу. Ее собственного отца. Пусть я и несу на плечах груз вины за то, что проиграл состояние своего покойного отца, но, по крайней мере, я осознаю, что поступил неправильно. Теперь же я всеми силами стараюсь почтить его память. В отличие от мисс Сноу, в чьей вине я убедился через несколько мгновений после того, как почувал ее запах – аромат, раскрывающий секреты, которые, я уверен, как эта девушка полагала, никто никогда не узнает. Кроме того, то, что я собираюсь с ней сделать, милосерднее любого наказания, на которое способна ее мачеха.

Пот выступает у меня на лбу, когда я пересекаю улицу Дартон, стремясь к северной части города. Там я впервые за-

мечаю огромное сооружение, расположенное в дальнем конце улицы Ниман. Отель «Семь грехов». За высокой стеной из песчаника, обсаженного пальмами, это строение едва ли не равняется всей длине города. Ходят слухи, что часть отеля когда-то была дворцом королевы фейри, пока та, после окончания войны, объединившей людей и фейри, не построила себе новую резиденцию. Теперь же, впервые увидев это здание, я думаю, что слухи, скорее всего, правдивы. Все в «Семи грехах» роскошно, от постройки из песчаника и белого мрамора до элегантных, сверкающих на солнце башен.

Чем ближе я подхожу к отелю, тем многолюднее становятся улицы, а заведения гораздо лучше дополняют дорогие пороки, что предлагает удовлетворить знаменитый отель. Здесь люди одеты в свои лучшие костюмы, дополненные соломенными шляпами или зонтиками, призванными защитить от утомляющей жары. Из-за своего скромного вечернего одеяния я чувствую себя несколько неуместно, но никто не обращает на меня особого внимания.

Я добираюсь до наружной стены отеля и прохожу под еще одной аркой из солнечного камня. Здесь еще оживленнее: посетители снуют туда-сюда или отдыхают у бассейнов в тени пальм, обрамляющих выложенную красной плиткой дорожку, что разделяет огромный внутренний двор надвое. Дорожка эта ведет к главному входу – Отделу Гордыни. По соседству – Отдел Лени, в котором расположены все люксы. Если верить слухам, именно эти два отдела составляют

то, что когда-то являлось дворцом, в то время как остальные пять зданий, разделенные небольшими переулками, стоят отдельно. Мои пальцы вздрагивают, когда я останавливаю взгляд на одном конкретном здании справа – мраморном гиганте в двенадцать этажей, увенчанном позолоченной пирамидой. Хотя я никогда раньше не бывал здесь, Отдел Жадности известен как самый большой игорный дом во всем Фейривэйе.

Чувство стыда смешивается с острой жаждой быстрых побед, легких денег и всплеском эйфории, что сопровождает и то, и другое. Близости к карточным столам, рулеткам и автоматам для ставок достаточно, чтобы мое самообладание оказалось на пределе. Следовать за сбежавшей принцессой через весь Люменас, город со своей изрядной долей порока, уже было нелегко. Но это... намного хуже. Каждая частичка меня умоляет войти в это здание, испытать удачу в кости, прежде чем раскрыть свои истинные таланты за покерным или карточным столом. Где по колебанию запаха я способен понять, что кто-то блефует, где я точно не могу проиграть...

Нет.

Я останавливаюсь на полпути, только теперь понимая, что уже начал двигаться в сторону Отдела Жадности. Даже после всего, что я потерял, после всего, что сделал, темное очарование остается невероятно сильным.

Мне следовало бы это знать. И я знаю. Также мне известно, что Отдел Жадности не похож ни на одно другое казино.

Здесь размеры ставок почти не ограничены. Можно проиграть не только деньги, но и конечности, или зубы, или даже чьи-то жизни. Пока это является чьей-то собственностью, ее можно приравнять к ставке. От опасности такой авантюры у меня должно свести живот. Вместо этого я могу думать только о выгоде, которую мог бы получить, поставив все, что у меня осталось, а именно – мою плоть, жизнь и кровь.

Я так сильно стискиваю зубы, что челюсть начинает пульсировать от боли.

Интересно, догадывалась ли королева Трис о том, куда приведет меня порученная ею миссия? Она знает, почему я потерял поместье Дэвенпорт. Ей известно, что я поставил все доставшееся от отца наследство на пари, сулившее мне верный выигрыш. Если она знала, что мне придется противостоять подобным искушениям во время выполнения своего задания, то она еще более жестока, чем я думал. С другой стороны, возможно, именно поэтому правительница Весеннего королевства предложила мне такую выгодную сделку.

С глубоким вдохом я снова сосредотачиваюсь на запахе моей цели – аромате цветущих яблонь и росы. Теперь этот запах насыщает пешеходную дорожку, огибая каждое здание отеля. Я отрываюсь от манящих соблазнов Отдела Жадности и следую сначала за самыми слабыми шлейфами, знакомясь с районами, которые мисс Сноу впервые посетила по прибытии сюда. Пока что я предпочитаю не заходить ни в одно из зданий. Вместо этого я засовываю руки в карманы

и неторопливо прогуливаюсь, как и другие посетители, оглядывая огромное сооружение, представляющее собой сочетание Гордыни и Лени, а после и Обжорства. Я плетусь вокруг отдела Зависти с его четырьмя этажами, где в каждой витрине выставлены лучшие товары и последние новинки моды. Затем я прохожу мимо простого сооружения, которым является Отдел Гнева, где, по слухам, находится подземная бойцовская яма. Наконец, я добираюсь до отдела Похоти. Здесь аромат мисс Сноу, начиная с момента ее первого появления и заканчивая самым свежим, произошедшим не менее часа назад, сгущается. Я останавливаюсь у главного входа и смотрю на шесть этажей – на каждом окне малиновые ставни.

Так получается, теперь она куртизанка...

Волнение клоочет в моей груди. На одну секунду все кажется слишком легким. Я представляю, как вхожу в здание, прошу провести ночь с мисс Сноу и завершаю свою миссию в уединенной комнате с подушками, где любые крики могут заглушить стоны удовольствия, доносящиеся из соседних помещений.

Все закончится быстро. Достаточно быстро, чтобы у меня не было времени мучиться угрызениями совести. Ужасаться. Ненавидеть себя за ужасный поступок, который я совершил.

Когда я понимаю, что все не может быть так просто, я начинаю мыслить логически, и моя надежда умирает. Девушка не станет афишировать свое настоящее имя. А без имени я не смогу воспользоваться ее услугами, потому что у меня

нет даже приблизительного описания ее внешности.

Мне не потребовалось много времени, чтобы понять, почему никто не смог найти Астрид Сноу до того, как королева Трис обратилась ко мне за помощью. К тому времени, как я прибыл во дворец Фейрвезер, запах принцессы уже заметно ослаб, чтобы во всем разобраться, но, слава богу, он не испарился до конца. Следуй я описанию, которое предоставила королева, я бы никогда не нашел ее сбежавшую падчерицу.

Кожа – как у старейшего из деревьев. Волосы – как первый розовый цветок весны. Губы – как самый красный мак.

Я не понимал, почему королева описала внешность своей падчерицы так, будто описывала саму себя, хотя мисс Сноу является принцессой только по браку, а не по крови. Еще более странным оказался тот факт, что принцесса была дочерью известного художника, который после стал королем, но сама никогда не была запечатлена на портрете. Служанка принцессы, девушка по имени Мэрибет, стала единственной, у кого нашлась хоть какая-то полезная информация. Я опросил всех дворцовых слуг, которые были близки к беглянке, и никто не смог мне помочь. Так было до тех пор, пока я не поговорил с Мэрибет.

– Вы не узнаете ее в лицо, – сказала девушка во время нашей частной беседы. То, как она понизила голос до шепота и дико озиралась по сторонам, подсказало мне, что эта инфор-

мация известна далеко не многим. Возможно, даже королева не догадывается об этом. – Для вас она будет выглядеть иначе, чем для королевы или кого-либо еще.

Исходя из этого, я пришел к выводу, что мисс Сноу, должно быть, чародейка. И если у нее есть хоть капля ума, она наверняка уже использует новое чарующее заклинание. Точно так же, как она сделала в Люменасе. Там, следуя по ее запаху, я нашел контору свахи, где женщина-фейри утверждала, что на две недели наняла молодую особу. Единственное, что она запомнила о внешности своей работницы, – поразительные пурпурные крапинки в радужках ее глаз. Крапинки такого же оттенка, что и у нее самой. В остальном же она говорила только о том, какой мошенницей и воровкой оказалась эта девушка. Именно поэтому женщина и уволила ее с работы и даже пригрозила передать городским патрульным. Как по мне, так довольно странно, что женщина запомнила только одну физическую особенность мисс Сноу – особенность, которой и сама обладала, – в то время как все остальное в ее рассказе касалось только личностных черт. Возможно, беглянка знает, как соткать чары забвения.

Как бы то ни было, сначала мне нужно мельком увидеть новую маскировку принцессы, чтобы позже попросить ее составить мне компанию.

Сосредоточив свое внимание на запахе мисс Сноу, я обхожу здание, отдаляюсь от главного прохода и продолжаю свой путь по аллее между Похотью и Гневом. Она выходит в

обширный сад, наполненный розами, лилиями, жасмином и другими растениями, которые нечасто можно увидеть в пустыне. Цветочный аромат здесь настолько пьянящий, что пересиливает запах мисс Сноу и к тому же вызывает пульсацию в моем черепе. Я выдыхаю, ослабляя хватку на следе, пока поспешно прохожу мимо ядовитого сада, в переулок на противоположной стороне здания между отделом Похоти и возвышающейся по периметру стеной. Снова вдыхаю и улавливаю нужный аромат, с удивлением обнаружив, что он поразительно сильный.

Я знаю, что моя цель там, еще до того, как вижу ее.

Мое сердце сильно колотится в груди, когда одна из дверей открывается и в проеме показывается миниатюрная фигурка. Я замираю, когда она заходит в переулок и опускается на колени рядом с мусорным баком. Так как девушка отворачивается от меня, я не могу разглядеть ни ее черты, ни того, что она делает. Мои пальцы на опущенных по швам руках дрожат, пульс учащается, когда я думаю, что пришло время действовать. Возможно, это лучший момент для того, чтобы выполнить условия сделки, которую я заключил. Однако, независимо от того, сколько раз я утверждал, что это следует сделать, одно дело – взять на себя обязательство и совсем другое – действительно его выполнить. Особенно при первой встрече с целью. Она намного меньше, чем я ожидал. И ее запах... изменился. Возможно, теперь, когда мы так близки, все стало только сложнее. В ее аромате чувствуется что-то

более сладкое, чем прежде. Что-то более мягкое.

Я прогоняю эту мысль из головы и напоминаю себе, зачем пришел сюда.

Принеси мне ее сердце, и будешь свободен.

Сжимаю пальцы в кулаки и начинаю спускаться по перелуку. Мои шаги ровные. Обычные. Тихие. Она все еще стоит ко мне спиной и ставит что-то на землю. Я делаю еще один шаг. И еще один. Теперь мы всего в нескольких футах друг от друга. В этот момент она поднимается на ноги и становится вполоборота. Теперь я могу мельком рассмотреть ее профиль, но кажется, все, что я замечаю, – поза, в которой она стоит. Ее плечи расслаблены, а руки обнимают белый пушистый комок. Мне требуется мгновение, чтобы понять, что это котенок. Еще трое мяукают у ее лодыжек, а слишком худая кошка-мать ест из миски, которую мисс Сноу, должно быть, поставила на землю. Я пытаюсь изучить лицо моей цели, но все, что могу разглядеть, – изгиб челюсти и тень улыбки на губах, когда она подносит котенка к щеке и утыкается в его шерсть носом.

Я снова останавливаюсь, отмечая еще одно странное изменение в ее аромате. Нет, не изменение. А... напоминание. Он кажется таким знакомым. Я качаю головой. Конечно, ее запах мне знаком. Потому что я слежу за этой девушкой уже две чертовы недели. И все же в ее аромате есть что-то особенное. Что-то, чего я не могу... Вздвогнув, Астрид Сноу резко поворачивается ко мне. Только сейчас я понимаю, что

сделал еще один шаг, который на этот раз не был тихим. Наши глаза встречаются, мысли в моей голове рассеиваются... Я не понимаю, почему на мгновение растерялся. Все, что я знаю, – мое сердце будто бы разорвали надвое, и ни по какой другой причине, кроме как мучительного желания защитить. Но защитить что? Котенка в руках убийцы?

Нет.

У меня перехватывает дыхание, когда, казалось бы, нелогичный ответ всплывает на поверхность моего разума.

Я хочу защитить ее. Девушку, которую должен убить.

Я сжимаю челюсть, чтобы побороть непреодолимый инстинкт, так внезапно вторгнувшийся на место здравого смысла. Какой бы магией эта особа ни обладала, ее чары затмевают мой разум. Мои эмоции. И держат меня в своих тисках. На долю секунды мне кажется, что я снова детеныш, маленький и беспомощный в столь быстро меняющемся мире. В мире, где безопасность моего лесного дома сменяется железными капканами и кровью...

– Могу ли я вам чем-нибудь помочь, сэр? – Голос Астрид Сноу возвращает меня в реальность. Он не нежный. Она говорит резким, пронизанным подозрением тоном, что идет вразрез со сладким ароматом, который я вдохнул мгновение назад.

Этого достаточно, чтобы прояснить мой разум и напомнить мне, кто эта девушка на самом деле.

Убийца. Моя цель. Мой способ получить свободу.

С глубоким вздохом я выпрямляюсь и отрываю от нее взгляд. В этот момент я замечаю пару, прогуливающуюся вдоль стены по дорожке, ведущей к выходу из переулка. Мужчина смотрит в нашу сторону и прежде, чем продолжить свой путь, в знак приветствия приподнимает соломенную шляпу.

Черт. Здесь слишком многолюдно, чтобы действовать. Слишком светло.

Осознание этого приносит едва ли не облегчение.

– Нет, мисс, – говорю я, изо всех сил стараясь, чтобы мой голос звучал ровно. – Я просто решил сократить путь.

Будучи чистокровным фейри, я не могу лгать, а значит – должен подтвердить сказанное. Я быстро прохожу мимо, стараясь держаться на расстоянии. И все же, несмотря на стоящие поблизости мусорные баки, запах цветущих яблонь снова едва не лишает меня рассудка. Каждый шаг, который я делаю, все больше расслабляет мои мышцы и дает передышку от странного воздействия магии мисс Сноу. К подобному я не был готов.

Но в следующий раз буду.

А мы еще встретимся, это я гарантирую. Я знаю, где она работает. Выясню, где она живет. Я уже имею представление о том, какие здания в отеле она чаще всего посещает. Все, что мне нужно, – прикрытие, которое подарит темнота, и возможность остаться с этой девушкой наедине.

Удаляясь от Отдела Похоти, я понимаю, что, хоть и увидел

лицо Астрид Сноу – или очарование, которое она создала, – я все еще понятия не имею, как она выглядит.

Глава III

АСТРИД

На своем веку я повидала множество красивых лиц. Это далось мне довольно легко, учитывая, что я могу пялиться, оставаясь незамеченной. Мужчина, удаляющийся от Отдела Похоти, как раз из таких. Тем не менее в его привлекательности – в острой угловатой челюсти, почти скрытой за отросшей бородой, в жестоком изгибе полных губ, в слегка растрепанных волосах цвета меди, в высоком и широкоплечем телосложении – чувствуется что-то зловещее.

Его присутствие, когда я впервые обнаружила, что он смотрит на меня в переулке, поражало. Но еще больше отпугивали его сжатые кулаки, напряженные плечи и то, что он смотрел на меня так, будто ожидал там увидеть. Во мне редко замечают что-то иное, кроме расплывчатой фигуры. Особенно до того, как я установлю зрительный контакт. Возможно, его внимание сначала привлек котенок, а не я. Но какой сумасшедший, увидев котенка, сделает что-то еще, кроме как растаять от умиления? Я была слишком поражена присутствием этого мужчины, чтобы ясно понять, какое впечатление на него произвела. Тем не менее он казался доволь-

но напряженным.

– Может, у него аллергия на шерсть, – шепчу я мягкому пушистому комочку, извивающемуся в моих руках, прежде чем бросить последний взгляд на удаляющуюся фигуру. Мужчина разжимает палец за пальцем, прежде чем встряхнуть руками. Мои губы изгибаются в полуулыбке. – Или, возможно, ему просто нужно снять напряжение в компании одной из куртизанок мадам Дезире.

Котенок, конечно, ничего не отвечает, потому что является самым обычным котенком, а не волшебным существом. Не всегда легко отличить обычное животное от фейри в незримой форме, но на собственном горьком опыте я убедилась, что фейри гораздо менее рады ласкам случайных незнакомцев. Котята же, наоборот, принимают чужую заботу с удовольствием. К тому же на них, похоже, моя магия совсем не влияет. Насколько я могу судить, они не видят во мне свое отражение, как люди или фейри. Вот почему, по моему мнению, животные лучше людей.

Забыв о красивом незнакомце, я присаживаюсь на корточки рядом с мусорным баком и сажаю белого котенка по кличке Мэдлин. Мама-кошка поднимает голову от тарелки с лососем, которого я купила сегодня утром у торговца рыбой в Отделе Обжорства, и благодарно мяукает, прежде чем продолжить есть. Остальные три котенка, которых я назвала Абернати, Натали и Григ, карабкаются мне под юбку, ожидая своей очереди на ласку. Я улыбаюсь шире, когда гул эйфо-

рии клокочет в моей груди. То, как я чувствую себя рядом с животными, даже лучше временного удовольствия, которое я получаю от настойки пурпурного малуса. Так было всегда. Животные – ощущение меха и любых мягких текстур – успокаивают меня, как ничто другое. Вероятно, это как-то связано с моим самым ранним воспоминанием – меховой шкурой, в которую отец завернул меня, когда впервые взял на руки. Все, что предшествовало этому, оказалось менее приятным, но, к счастью, я этого не помню. Все, что мне известно, – это то, что моя мать – водяная фея – не смогла вытерпеть меня и года, а после оставила на берегу озера, чтобы отец нашел.

От этой мысли мои эмоции сменяются гневом, поэтому я поднимаю Грига, рыжего полосатого кота, который выглядит точь-в-точь как мама-кошка. Я подношу малыша к щеке и утыкаюсь носом в его мягкую шерсть, в то время как Мэдлин взбирается мне на плечо, чтобы покусать кончики моих волос. Мама-кошка, должно быть, хорошо ухаживает за ними, потому что все они выглядят довольно чистыми для бездомной семьи. И все же я хотела бы сделать для них нечто большее.

– Возможно, я могу пронести вас в Отдел Лени, – говорю я Григу, но, даже возьми я кошачье семейство в свой крошечный номер, мне ясно, что в помещении без необходимых условий им будет не лучше.

Моя горничная Мэрибет напоминала мне об этом всякий раз, когда я хотела тайком завести домашнее животное во

дворце. Королева Трис, конечно, никогда бы не допустила подобного, но это не мешало мне раздумывать об этом. Будучи моим голосом разума, Мэрибет позаботилась о том, чтобы все мои замыслы так и остались фантазиями. Девушка напоминала, в какие неприятности я попаду, если Трис поймает меня на том, что я приношу животных во дворец. Когда это не помогало, Мэрибет вспоминала истории из моего детства, которыми я поделилась... и которые закончились катастрофически.

Бесчисленное количество раз я тайком приносила в дом пушистых существ, надеясь, что отец ничего не заметит. Даже когда мне удавалось скрыть новых жильцов день или два, в конце концов правда все равно всплывала наружу. В основном речь о беспорядке. Отходы жизнедеятельности животных и порванные простыни были только половиной несчастий. Хуже всего было, когда раненая белка (которая явно не нуждалась в моей заботе так сильно, как я думала) пробралась в студию отца и разодрала в клочья два альбома для рисования, прокусила четыре тюбика краски и съела уголок портрета, над которым он в то время работал. Когда отец обнаружил, что животное вторглось в его священное рабочее место, он рассмеялся. Вполне искренне. Он отругал меня с улыбкой, от которой в уголках его глаз собирались морщинки. От этого я почувствовала себя более виноватой, чем если бы он кричал.

От горя у меня скручивается желудок, открывая такую

огромную пропасть, что даже четверо карабкающихся по мне котят не могут поднять мне настроение. В попытке отвлечься от надвигающейся волны печали я провожу руками по своей шелковой юбке, сосредоточившись на ее гладкой текстуре, но и это не помогает. Даже когда я пытаюсь выбросить из головы мысли о потере отца, мои прежние размышления о Мэрибет остаются, напоминая о том, как сильно я по ней скучаю.

Она была для меня не просто горничной. Она была моим другом. Единственным настоящим другом, который у меня когда-либо был. Не будучи фейри, она нашла связь с моей человеческой стороной. Поскольку преимущественно я выросла в человеческом обществе, а после была вынуждена жить во дворце, кишашем фейри, Мэрибет стала для меня утешением. В ней было что-то такое, что побуждало меня открыться. Она всегда с участием задавала вопросы и слушала мои ответы со спокойным любопытством. Когда я наконец рискнула рассказать ей о своей магии, хотя поклялась больше так не делать, поскольку в прошлом это только портило мне жизнь, Мэрибет приняла меня. Никаких подозрений. Никакой внезапной неловкости. Я ненавижу тот факт, что мне пришлось оставить ее во дворце, но мы обе знали – она не может убежать со мной. Так мы бы навлекли на себя больше подозрений. Не говоря уже о том, что Мэрибет, в отличие от меня, можно узнать по внешнему виду.

Так я и осталась одна.

Совсем одна.

Закрыв глаза из-за навернувшихся на них слез, я запускаю руку в карман юбки и достаю флакон.

Одна капля под язык. Две.

Вскоре я снова погружаюсь в эйфорию. Безразличие. Я в полном порядке.

* * *

Три дня спустя я сижу в своей спальне в Отделе Лени и готовлюсь к ночной работе. С тех пор как я закончила с мисс Хэмпстед, у меня появилось еще два клиента. Первый – фавн, которая работает в шляпной лавке Отдела Зависти. Она отчаянно хочет узнать, как завоевать сердце хорошо одетого торговца, который ей так нравится. Второй – миссис Хейвуд, обеспокоенная мать аристократичного семейства фейри. Ее младшая дочь собирается выйти замуж за богатого человека, который начал ухаживать за ней по прибытии в Ирриду. Миссис Хейвуд, однако, надеясь найти для своей наследницы лучшую партию, предпочла бы, чтобы ее дочь подождала официального выхода в свет на следующем светском сезоне.

Сегодня вечером я собираюсь расследовать последнее дело. Я не всегда работаю по ночам, но информация, которую предоставила мне миссис Хейвуд, слишком хороша, чтобы отказаться. Оказывается, мистер Доннелли, ухажер, о кото-

ром идет речь, посещает почти каждый бойцовский матч в Отделе Гнева. Кто посмеет его винить? Я тоже провожу несколько вечеров в неделю, сидя возле бойцовой ямы.

Я бросаю взгляд на часы, стоящие на тумбочке рядом с моей узкой кроватью – единственным предметом мебели в моей крошечной комнате, если не считать низкого сундука, в котором я храню одежду. Часы показывают восемь сорок пять. Пятнадцать минут до начала сегодняшнего боя и моей слежки за целью. Я переодеваюсь в чистую льняную юбку и блузку, которые еще не пострадали от изнуряющей жары и постоянного потоотделения, что приходит с ней. Не то чтобы мой новый наряд вскоре не постигнет та же участь, как только я войду в бойцовскую яму. Моя любовь к мягким материалам прекрасно сочетается с желанием, чтобы эти материи были чистыми. Они всегда приятнее ощущаются на коже. Лучше успокаивают, когда я провожу руками по ткани. Конечно, не так сильно, как мех, но достаточно, чтобы мой сундук был переполнен множеством простых вещей, купленных в универсаме Отдела Зависти.

Я делаю покупки только на нижних этажах, где можно найти подержанную базовую одежду. Там всегда есть что-нибудь подходящее – юбки из мягкого хлопка, легкие льняные блузки, гладкий атлас. Мне не нужны дизайнерские платья с причудливой отделкой, которые продаются на верхних этажах. Все равно никто не видит, во что я одета. К тому же я предпочитаю не тратить деньги так легкомысленно. Вот

почему я живу на нижнем этаже Отдела Лени, в тесном помещении с единственным окном и без ледяного вентилятора, помогающего охладить комнату. Работая свахой, я сэкономила приличную сумму и, вероятно, могла бы позволить себе комнату на втором или третьем этаже, но я не хочу остаться без средств к существованию, если снова придется бежать.

Без пяти девять я покидаю свое жилище и направляюсь в Отдел Гнева. Легкий ветерок овеивает мою кожу. С заходом солнца воздух охлаждается. Он танцует у меня на шее, заигрывая с короткими локонами. Я добираюсь до Отдела Гнева, круглого одноэтажного здания из коричневого песчаника, увенчанного декоративными зубцами. Вместо того чтобы направиться к кассе у входной двери, где уже выстроилась длинная очередь посетителей, я иду по переулку между Гневом и Похотью, а затем огибаю строение. Я глубоко вздыхаю, проходя мимо благоухающего сада, который является одним из моих любимых мест на территории отеля. Добравшись до задней части здания, через запасной вход я пробираюсь в темный коридор. Норас, кентавр, работающий охранником, уже приподнимается с места, прежде чем узнает меня. Во мне он видит собственную честность, силу и чувство справедливости. Единственная правда, которую он знает обо мне, – что я своего рода следователь, работающий на мадам Дезире. Эта частичная ложь позволяет мне бесплатно смотреть бои. По крайней мере, сегодня я действительно пришла

сюда по делу.

Норас переступает с ноги на ногу, позволяя мне пройти.

– За кем вы шпионите сегодня, мисс Лавкрафт?

– Ты же знаешь, что я не скажу, – подмигиваю я кентавру.

Он одобрительно хмыкает.

– Конфиденциальность клиента. Уважаю.

Я иду по длинному темному коридору, пока он не выводит меня в ярко освещенное главное здание. Это место – круглая дорожка из обсидианового мрамора, окаймленная черными перилами. Центр комнаты полый, заканчивающийся бойцовской ямой, расположенной четырьмя этажами ниже. Стены оклеены обоями из красной и золотой парчи, а от ярких ламп, обрамленных черной металлической фурнитурой, исходит мягкий свет, отбрасывающий зловещие тени на позолоченные рамы. В каждой – портреты известных бойцов, которые раньше сияли на арене.

Дорожка заполнена взволнованными гостями – мужчинами и женщинами, людьми и фейри, – вошедшими через главный вход. Я выхожу из зала, чтобы присоединиться к живому потоку. Все вокруг наполняется шумом, когда мы обходим помещение по периметру, а затем спускаемся по винтовой лестнице, которая ведет в цилиндрическую подземную часть здания. Чем дальше мы идем, тем тусклее кажется освещение. Стены темнеют, а настроение становится более возбужденным. Наконец лестница приводит к дорожке, которая окружает круглые многоярусные сиденья. В самом

центре находится песчаная бойцовская яма. Я продолжаю идти, пока не достигаю прохода, указанного моим клиентом.

По словам миссис Хейвуд, мистеру Доннелли принадлежит одна из частных лож в самых первых рядах. Места в партере являются самыми опасными и в то же время самыми желанными. Его ложа находится чуть левее центра, поэтому я удаляюсь от прохода только после того, как нахожу ту, что, по моему мнению, принадлежит именно ему. Вместо того чтобы пробраться к передним рядам, я сажусь на скамейку в дальнем конце зала. Возможно, это место не самое идеальное, но, по крайней мере, оно гарантирует, что мне не будут мешать. Никто не посмеет попросить поменяться местами, чтобы их спутник сел рядом. Никто не заметит, что невзрачная девушка слишком пристально смотрит на ложу в передних рядах.

Арена быстро заполняется, и я чуть не подпрыгиваю на месте от предвкушения. Я так взволнована, что едва не пропускаю прибытие мистера Доннелли. Вместе с тремя другими мужчинами он занимает свое место. У каждого в руке бокал – одно из преимуществ владения собственной ложей. Таким посетителям всегда приносят еду и напитки, в то время как остальные должны посещать расположенные в дальнем конце арены киоски. Запахи витают в воздухе, наполняя мой нос пикантным ароматом фруктового мороженого, мягкой землистостью охлажденного чая и пьянящей сладостью вина Агава Игнитус – фирменного напитка Огненного коро-

левства.

Все это вот-вот будет заглушено запахом крови, пота и, возможно, даже магии. Каким-то образом эта психически нездоровая мысль меня возбуждает. Я прижимаю руки к груди, забыв о мистере Доннелли, и, затаив дыхание, наклоняюсь вперед. Сегодняшнего боя я ждала целую неделю. Огр будет сражаться с грифоном. И не просто с каким-то там грифоном, а со знаменитой Хелоди, которая обезглавила своего последнего противника одним взмахом когтей. Хелоди нечасто появляется в яме, так как не является профессиональным бойцом. Однако известно, что грифоны не выносят плохих манер. Стоит кому-либо оскорбить одного из их детей, они тут же вызывают невоспитанного на дуэль. И яма в Отделе Гнева – единственное место на острове Фейривэй, где подобные поединки могут проводиться на законных основаниях.

Именно этим данная арена и отличается от всех остальных. В то время как большинство видов спорта были привезены в Фейривэй людьми, организованы по строгим правилам и проводятся в основном с участием спортсменов-людей, в Отделе Гнева представлены бойцы-фейри, которые нечасто занимаются подобным делом профессионально. Проходящие здесь дуэли носят личный характер и разрешаются только тем, кто сумеет доказать мадам Фьюри – заведующей Отделом Гнева, – что их претензия оправдана. Для неопытного бойца обращение к ней обойдется почти в

сто опаловых фишек. Но многие готовы заплатить подобную цену, лишь бы покарать врага своими собственными руками. Увидеть, как правосудие восторжествует там, где правовая система Фейривэйя не справляется, или умереть, пытаюсь. Во время дуэли существует очень мало правил, кроме осознанного согласия на бой и запрета причинять вред кому-либо, кроме своего противника. Бойцы могут сражаться насмерть или до тех пор, пока другой не сдастся. Могут использовать магию или только физическую силу.

Я же предпочитаю смотреть бои, в которых главным оружием является ум. Именно таким было одно из первых сражений, которые мне посчастливилось увидеть. Крошечная огненная эльфийка бросила вызов дракону, что убил ее возлюбленного – Сусуватари⁶. Победа дракона была очевидна. Даже с учетом того, что оба бойца являлись огненными фейри, дракон намного превышал своего противника в размерах. И все же эльфийка, бесстрашно бросаясь оскорблениями, постоянно провоцировала гиганта преследовать ее. В конце концов, она обманом вынудила дракона признаться в своем преступлении. После чего эльфийка немедленно закричала, что сдается. Она проиграла битву, но выиграла войну. После публичного признания власти имели право арестовать дракона.

Именно такая борьба пробуждает во мне решимость

⁶ *Сусуватари* – пугливые, робкие создания, которые живут в заброшенных домах и покрывают их пылью и сажей.

остаться в отеле «Семь грехов», раздувает пламя скрытой надежды, в которой я не осмеливаюсь признаться. Надежды на то, что, возможно, однажды я накоплю достаточно опаловых фишек, чтобы заплатить мадам Фьюри за свой собственный шанс отомстить. Надежды на то, что если посмотрю достаточно боев, то рано или поздно получу подсказку о том, как беспомощная нечистокровная фейри может победить королеву.

Я знаю, что это всего лишь детская мечта, призрачная фантазия, которую я никогда не смогу осуществить. Тем не менее я продолжаю цепляться за нее.

Пора забыть о надеждах и хрупких фантазиях. Эта битва, несомненно, будет сражением сообразительности против мышечной массы, так что я не могу дожидаться, когда она начнется. Услышав, что Хелоди возвращается в яму, я поняла, что просто обязана прийти. Судя по тому, как переполнена арена, не только я хочу это увидеть. Даже задняя скамейка, на которой я сижу, забита битком. Уже несколько раз, то с одной стороны, то с другой, меня просили подвинуться, пока в итоге от сидящих рядом меня не стал отделять всего лишь дюйм. Я бросаю взгляд на один конец скамьи. Он в основном занят молодыми людьми, одетыми только в рубашки без пиджаков. Вероятно, это рабочие из района складов. Никто не обращает на меня внимания, что меня вполне устраивает. Но, когда я смотрю на противоположный конец, мое сердце едва не выпрыгивает из груди.

Пара глаз медового цвета смотрят на меня из-под двух каштановых бровей. Мужчина быстро отводит взгляд, прежде чем мы успеваем посмотреть прямо друг на друга, но у меня сделать то же самое не получается. Потому что рядом со мной, так близко, что подол моей юбки касается его брюк, сидит незнакомец из переулка. Его внешность несколько изменилась с момента нашей последней встречи. Когда-то находящиеся в беспорядке медные локоны теперь аккуратно уложены легкими волнами. Борода коротко подстрижена, обрамляя точеную челюсть. Он переоделся. Вместо вечернего костюма на нем льняные брюки, легкий жилет и хлопчатобумажная рубашка, расстегнутая на груди. Тот факт, что каждый предмет его одежды черного цвета, выделяет незнакомца на фоне большинства людей, которые в попытке спастись от жары Огненного королевства предпочитают более светлые тона. Заостренные уши говорят мне, что он чистокровный фейри, в то время как его плечи выдают ту же напряженность, что я заметила в переулке.

Я медленно отвожу взгляд, но не могу избавиться от неприятного чувства, которое поселяется внутри. Неужели то, что тот же самый мужчина, которого я видела раньше, теперь сидит рядом со мной, – простое совпадение?

Свет внезапно тускнеет, из-за чего меня одолевает тревога, но она быстро исчезает, когда три прожектора освещают песчаную яму. Мое беспокойство по поводу незнакомца улетучивается, когда двое ворот, расположенных на противополо-

ложных сторонах ямы, со скрипом открываются, демонстрируя два темных арочных прохода. Тишина заполняет арену, и я обнаруживаю, что пододвигаюсь к краю скамьи. Наконец, после невыносимого ожидания из тени первой арки показывается когтистая лапа, за которой следует огромная птицеподобная голова. После чего Хелоди показывает публике свой львиный живот и задние лапы. Она щелкает клювом и с важным видом, широко расправив золотые крылья, выходит на центр арены, в то время как ее тонкий хвост хлещет из стороны в сторону, передавая быстрыми штрихами злость своей обладательницы. Зрители раздражаются радостными криками, а когда соперник грифона показывается из своих ворот, толпа начинает с той же силой гудеть.

Несколько дней назад я читала информацию о матче, так что знаю, что огра зовут Мертис. Попасть на ринг ему помогла попытка съесть младшую дочь Хелоди. Должно быть, его было нетрудно убедить приехать сюда, учитывая огромную сумму, которую получит победитель. Приз за каждый бой рассчитывается из известности бойцов и стоимости согласия обеих сторон на сражение. Поскольку предыдущие бои Хелоди принесли не более пяти тысяч опаловых фишек, а сегодняшний сулил целых десять, я подозреваю, что самое большое влияние оказал последний фактор.

Честно говоря, я не виню Мертиса за нежелание бороться с Хелоди, учитывая ее устрашающую репутацию.

В любом случае он выглядит как кто-то, способный бро-

сильно вызов грифону. Одетый только в набедренную повязку, он на голову выше Хелоди и в два раза шире ее в плечах. Кожа у огра толстая, зеленая и покрыта шрамами. Нарезая по арене круги, он скрипит своими острыми зубами в попытке запугать грифона. Хелоди только стоит с высоко поднятой, украшенной перьями головой и терпеливо ждет, когда церемониймейстер объявит начало поединка.

На арене снова воцаряется тишина, когда одетый в фиолетовый цилиндр и сюртук фейри в зримой форме направляется к центру ямы. Пронзительным голосом он представляет двух бойцов и декламирует несколько правил, которые следует соблюдать в яме. Закончив свое объявление, церемониймейстер подпрыгивает в воздух. Из его спины вырастает пара фиолетовых крыльев, и он взмывает на дюжину футов над песчаной ямой.

– Начинайте!

В момент, когда два бойца бросаются друг на друга, я полностью забываю и про незнакомца рядом, и про мистера Доннелли. Едва сдерживаю визг и прикусываю нижнюю губу, когда Хелоди оставляет широкую рану на груди огра. Мертис отскакивает назад. Его ранения затягиваются, оставляя только три кровавых пореза. Поскольку фейри по сути бессмертны, их очень трудно ранить, а тем более убить. Большинство, особенно чистокровные, быстро оправляются от поверхностных ран. Единственный надежный способ покончить с фейри – срубить голову с плеч. Другой – заставить

фейри заключить с вами сделку. Если он или она не в состоянии выполнить условия, их ждет верная смерть. И последний способ – ранить их с помощью железа, но этот металл строго запрещен в Фейривэйе. В последний раз его видели на острове во время кровавого восстания, произошедшего несколько лет назад.

С ревом Мертис бросается в атаку и целится кулаком прямо в морду Хелоди. Она уворачивается и наносит еще один удар по торсу огра. Я подбадриваю бойцов вместе с остальными зрителями, соскользнув так далеко на край, что не стоит удивляться, если в конце концов я упаду. Для страховки я хватаюсь за скамейку руками. Хелоди снова царапает огра когтями, а затем делает выпад клювом в сторону его ладони. Грифон отходит. Кровь брызжет из того места, где она откусила палец. Смех, смешанный со страхом, срывается с моих губ. Фейри могут исцелиться практически от любой раны, но потерянные конечности, как правило, не отрастают.

Тот факт, что Хелоди не просто обезглавила своего противника, показывает, насколько она разъярена. Она намерена заставить его страдать. Каким бы мрачным и неженственным это ни было, я не могу не наслаждаться каждой минутой...

Что-то холодное касается моего запястья. Слышится щелчок. Я опускаю взгляд на свою правую руку и вижу на ней наручник, изогнутый на одном конце и с плоской планкой на другом. От плоской стороны цепочка тянется к другой, от-

крытой манжете. Манжете, которую держит мой таинственный, сидящий рядом на скамье сосед. Я поднимаю на него глаза. Мой взгляд падает на расширяющийся рот, на зубы, которые медленно вытягиваются в острые клыки.

Я пытаюсь отпрянуть, но сидящий с другой стороны мужчина толкает меня локтем в плечо, отчего я только оказываюсь ближе к мужчине с наручниками. Прежде чем я успеваю что-либо сделать, таинственный незнакомец наклоняется и приближает свои губы к моему уху. Его голос – низкий, смертоносный рокот.

– Следуй за мной, или я разорву тебе глотку.

Глава IV

АСТРИД

Мужчина ждет, когда я кивну. Я понимаю, что лучше не кричать и не устраивать сцен. Если начну звать на помощь сейчас, это ничего не изменит. Даже с последней дозой пурпурного малуса, все еще согревающего мою кровь, я слишком потрясена. Слишком напугана, чтобы чувствовать что-либо, кроме ужаса. А это значит, что любой, кто встретит меня сейчас впервые, увидит только отражение своих худших качеств. Я достаточно долго жила со своей магией, чтобы понять: свои лучшие качества люди могут как любить, так и ненавидеть, но когда дело касается худших... Все всегда заканчивается плохо. Сейчас никто не станет меня защищать. Единственная надежда на спасение – что, возможно, мы наткнемся на Нораса, кентавра из службы безопасности. С его обостренным чувством справедливости он точно заступится за меня.

Пока что мне остается только следовать за своим похитителем, когда тот стаскивает меня со скамейки, утягивая за скованную наручниками руку.

– Только попробуй сопротивляться, и я надену наручни-

ки и на другую, – говорит он, уводя меня прочь с арены, все дальше от сидений и вверх по дорожке, ведущей к винтовой лестнице. Свет в холле приглушен, на лестнице темно. Единственное освещение исходит от арены позади нас и от бледного сияния на самом верхнем этаже. Вокруг никого нет. Ни посетителей, ни сотрудников службы безопасности, ни обслуживающего персонала. Когда мы начинаем подниматься, незнакомец то и дело поглядывает на меня. Даже в темноте я вижу, как сверкают его острые зубы. Я не сомневаюсь, что он выполнит свою угрозу. Красивый или нет, он скрывает в себе что-то в высшей степени смертоносное. Мне все еще не удалось посмотреть ему в глаза достаточно долго, чтобы оценить, какими качествами он обладает. Однако его действия говорят сами за себя. Он работает на мою мачеху. Об этом несложно догадаться. Но я понятия не имею, как он нашел меня.

Если этот мужчина приведет меня к правительнице Весеннего королевства...

Меня охватывает паника. Несмотря на угрозы незнакомца, я знаю, что не могу принять ту судьбу, что он мне уготовил. По крайней мере, теперь мы скрыты в полумраке. Мы поднимаемся еще на несколько ступенек, и я жду, пока мужчина не посмотрит на меня еще раз. Как только похититель отворачивается, довольный тем, что я следую его приказам, я изо всех сил одергиваю свою скованную наручниками руку. Все еще расстегнутая манжета выскальзывает из его рук,

и я стремительно бросаюсь обратно вниз по лестнице. Пусть на нижнем уровне и нет выхода, я, по крайней мере, могу где-нибудь спрятаться и пробраться наверх с остальной толпой после боя.

Сделав не более двух шагов, в тревожной спешке я спотыкаюсь. Чьи-то мускулистые руки обхватывают меня за талию и помогают сохранить равновесие. Я замахваюсь, ударяя мужчину по голове свободной манжетой. Прежде чем мое оружие достигает цели, незнакомец отталкивает его, а после снова пытается ухватиться за наручники. Прежде чем он успевает это сделать, я царапаю его щеку свободной рукой. Сейчас я бы что угодно отдала, лишь бы иметь такие же когти, как у Хелоди. Любая зримая форма пришлась бы весьма кстати. В отличие от большинства фейри, даже тех, в ком течет человеческая кровь, я не меняю форму. Вместо этого моя зримая форма – это я, в то время как незримая – отражение, которое видят другие. Совершенно бесполезное, если честно.

Но это не значит, что я не буду бороться.

Мои одеревеневшие, бесполезные, слишком человеческие пальцы находятся менее чем в дюйме от лица похитителя, прежде чем он хватает меня за запястье своей большой рукой, толкает спиной к стене и фиксирует запястье над моей головой. Другую руку он кладет мне на плечо и прижимает меня к стене. Я замахваюсь на его руку единственным оставшимся оружием – свободной манжетой от наруч-

ников. Вместо того чтобы ударить мужчину по предплечью или оставить глубокую рану на его плоти, изогнутый конец зацепляется за его запястье. Глаза незнакомца расширяются, когда он смотрит на манжету. Все еще открытый плоский конец свободно болтается. Мой похититель замирает, переводя взгляд с меня на манжету и обратно. Когда его взгляд снова встречается с моим, он с низким рычанием говорит:

– Не смей.

Это все, что мне нужно, чтобы дотянуться своей скованной рукой до свободного конца и захлопнуть плоскую часть. Со щелчком наручники закрываются.

Холодный ужас пронизывает меня, когда я понимаю, какую ужасную ошибку только что совершила. Похититель впивается в меня яростным взглядом.

– Зачем ты это сделала?

Я смотрю на руку, теперь соединенную с моей медным браслетом и менее чем футовой цепью. Когда я не отвечаю, он повторяет вопрос, на этот раз громче.

– Зачем, *ад цветущий*, ты это сделала?

– Потому что ты сказал не делать, – поспешно произношу я. – Я думала... думала... – Не знаю, о чем я думала, потому что худший выбор сделать было просто невозможно. Теперь я крепко привязана к человеку, который совсем недавно угрожал перегрызть мне горло.

Мужчина бормочет себе под нос проклятия и осматривает сначала низ, а потом и верх лестницы.

– Просто прекрасно, – выдыхает он сквозь зубы и подходит ближе еще на один шаг. Даже несмотря на то, что одной ногой он стоит на ступеньке ниже той, на которой остановилась я, этот мужчина все равно возвышается надо мной.

– Что ты собираешься со мной сделать? – спрашиваю я дрожащим голосом.

– То, чего ты заслуживаешь. – Он сжимает губы в тонкую линию и отпускает мою левую, не скованную наручниками руку. У меня остается только мимолетная надежда, прежде чем он касается своими пальцами моей грудной клетки. Мой пульс учащается, когда он кладет руку прямо на мою грудь. Когда в голове проносятся самые страшные образы, я кое-что осознаю.

Его прикосновения не причиняют боли. Он не сдавливает, не сжимает, не пытается что-то нащупать. Только подушечки его пальцев соприкасаются с моей блузкой. Этот мужчина не заинтересован в моей плоти.

Ему нужно мое быстро бьющееся сердце.

В моем сознании всплывают еще более ужасающие картины. Тогда я понимаю, что этот мужчина собирается убить меня. Он вырвет мое сердце из груди. Даже с кровью фейри, текущей в моих венах, я не могу исцеляться так же быстро, как это делают чистокровные. На самом деле, я на собственном горьком опыте убедилась, что исцеляюсь почти так же медленно, как человек. Даже справляясь я с ранами молниеносно, помимо уже перечисленных существует еще один

способ убить фейри. Вырвете чье-то сердце, и новое никогда не вырастет. Этот метод такой же бесповоротный, как обезглавливание.

Я едва сдерживаю крик и жду, когда мой похититель выпустит когти. Если он может призвать острые клыки даже в зримой форме, то способен сделать то же самое и с когтями. Я понятия не имею, какова его незримая форма, но многие фейри могут частично переключаться между своими физическими проявлениями.

Мое сердце колотится о кончики его пальцев, а грудь вздымается от резких вдохов. Вздохов, которые станут последними.

Утешает только мысль о загробной жизни. Там я смогу быть с отцом...

С рычанием мужчина отстраняется, отрывая руку от моей груди. Он прерывисто дышит, пока острые клыки исчезают, снова становясь квадратными и плоскими зубами. Теперь он выглядит так обычно.

– Какую магию ты используешь против меня?

Я встречаюсь с ним взглядом, каждый дюйм моего тела дрожит. Пытаюсь рассмотреть, что он видит во мне. Независимо от того, как долго я смотрю, не могу понять то, что обычно так легко расшифровываю. На секунду мне кажется, будто я что-то замечаю – слабость, уязвимость, – но все исчезает так же быстро, как и появилось. Когда я снова изучаю стоящего передо мной мужчину, я не вижу в его чертах ни

одного из этих качеств. Этот гигант совсем не выглядит слабым.

И все же... он не убил меня.

С арены внизу раздается рев, от которого я подпрыгиваю на месте. Судя по громкости и возбужденности криков, бой окончен. Я чувствую легкое разочарование из-за того, что мне так и не удалось досмотреть это сражение до конца, но моя нынешняя ситуация требует гораздо большего внимания.

– Пойдем, – ворчит мужчина. На этот раз я даже не думаю сопротивляться. Сейчас, когда моя рука прикована к его, любые попытки сбежать будут еще бесполезнее, чем раньше. Но если мне удастся понять, где этот великан хранит ключ, до того, как он убьет меня...

– Ты не собираешься расстегнуть свой наручник?

– Нет, – отвечает он, и горечь, пронизывающая это единственное слово, заставляет меня задуматься, а есть ли у него вообще ключ.

К тому времени, как мы добираемся до верхнего этажа Отдела Гнева, я еле волочу ноги. Искра надежды вспыхивает в моей груди, когда мужчина ведет меня по дорожке и дальше по коридору, к задней двери. Там я замечаю сидящего на своем месте Нораса. Но когда мы приближаемся, похититель кивает кентавру, и тот... кивает в ответ. Он даже не смотрит в мою сторону.

– Он знает, что я работаю на Совет Альфы, – объясняет

мой похититель, как только за нами захлопывается дверь.

Я слишком ошеломлена, чтобы что-то ответить. Я уже поняла, что этот мужчина пришел за мной по приказу королевы Трис, но Совет Альфы – это высшая форма правления, состоящая из всех королей и королев Фейривэйя. Поскольку на острове одиннадцать королевств, каждым из которых правят как зримые, так и незримые монархи, то Совет Альфы обслуживает все двадцать два из них. Неудивительно, что Норас не стал ставить под сомнение авторитет этого гиганта.

Означает ли это, что Трис убедила в моей виновности весь Совет Альфы? Предполагается, что совет вмешивается в справедливые судебные процессы, а не в тайные похищения или покушения. Мой взгляд становится отстраненным, пока мужчина ведет меня по переулку между Гневом и Похотью.

– Это чары? – спрашивает он резким тоном.

Я хмуро смотрю на него.

– Что?

– Магия, которая не позволяет мне причинить тебе боль.

Что это за чары?

Я несколько раз моргаю.

– Моя магия работает не так.

Он ворчливо вздыхает.

– Отлично. Приведу тебя к ней живой. При заключении сделки, обязывающей меня принести ей твое сердце, не уточнялось, что ты не будешь привязана к нему. Хотя, уверен, ей

это не понравится...

– Нет! – Я упираюсь каблуками и дергаю свою закованную в наручники руку. В то время как мое запястье ноет от боли, мой похититель даже не сдвигается с места. Он дергает в ответ и заставляет следовать за ним, но спустя несколько шагов я снова упираюсь. На этот раз я сжимаю кулаки и стараюсь выглядеть как можно более устрашающей. Какой бы нелепой ни была эта затея, все еще есть шанс, что она сработает. Я не знаю, какие качества во мне видит этот мужчина, но если он планирует доставить меня к мачехе, я должна что-то предпринять. – Ты не можешь привести меня к ней.

Похититель останавливается и поворачивается ко мне лицом. Когда его взгляд скользит по моим сжатым кулакам и сторбленной позе, он издает мрачный смешок.

– Ничего не поделаешь, ты возвращаешься к мачехе. У тебя нет выбора, особенно теперь, когда ты так удобно привязана ко мне. Сначала мне эта идея не понравилась, но, честно говоря, – он поднимает руку в наручниках, – работает она прекрасно. Теперь ты не сможешь сбежать, даже если попытаешься.

Я выпрямляюсь во весь рост и встречаюсь с ним взглядом. В этот раз получить четкое впечатление об этом мужчине тоже не удастся. Какое впечатление у него сложилось обо мне? И почему это впечатление такое непонятное?

– Откуда ты знаешь, что я не такая, как ты? – говорю я, пытаюсь повторить тот же трюк, который использовала с кел-

пи сразу после побега из дворца Фейрвезер.

– О, так ты, значит, охотница за головами? – уточняет он с явным недоверием.

– Что бы ты ни думал сделать со мной, я могу сделать то же самое с...

Мои слова застревают в горле, когда мой похититель, полностью повернувшись ко мне лицом, подходит ближе. Он выглядит более расслабленным, будто ему нужна была только попытка убить меня, чтобы сбросить напряжение, которое я заметила ранее. Мужчина небрежно держит одну руку в кармане брюк, а запертую манжету наручников носит, как какой-то модный аксессуар. Он прищуривается, глядя на меня.

– Разве ты не заслуживаешь смерти после того, что сделала?

– Я не убивала своего отца, клянусь.

– Ты наполовину человек, – заявляет охотник за головами с насмешливым фырканьем. – Твои клятвы ничего не значат, потому что ты можешь лгать.

– Я дам связывающую клятву. Сделаю все что угодно, лишь бы доказать, что я этого не делала.

Выражение его лица остается непреклонным, на нем не отражается и капли веры в мои слова.

– Тогда почему ты сбежала?

Я легко нахожу, что ответить.

– Потому что знала, что королева Трис в любом случае обвинит меня. Она меня ненавидит.

Еще несколько мгновений он изучает меня взглядом, пока не наклоняется ближе. Я пытаюсь отшатнуться, но мужчина только тянет меня за манжету, заставляя почти прижаться к его груди. Он осторожно кладет свободную руку мне за спину и прижимается своей щекой к моей. Мы так близко, что я чувствую легчайшее прикосновение его бородатой челюсти. Я напрягаюсь, готовая в любой момент защититься, когда слышу, как охотник за головами делает медленный, глубокий вдох. После этого он отходит и с самодовольной ухмылкой смотрит на меня сверху вниз.

– Какую бы магию ты ни использовала, чтобы скрыть свою ложь, ее недостаточно, чтобы избавиться от запаха пурпурного малуса.

Я тяжело сглатываю, мои глаза расширяются.

– Я чувствую аромат вполне предсказуемый вины, – продолжает он, ухмыляясь еще шире. Клыки гиганта, возможно, и исчезли, но это мало смягчает угрозу, исходящую от самого его присутствия. – А теперь скажите мне, мисс Сноу, если вы не убивали своего отца, почему же от вас исходит запах того же яда, что был причиной отравления?

Глава V

АСТРИД

Кровь отливает от моего лица, делая колени слабыми. Я отшатываюсь назад и слепо тянусь свободной рукой за спину в поисках чего-нибудь, что помогло бы удержать меня на ногах. Наконец, кончиками пальцев я касаюсь стены Отдела Гнева. Мой похититель делает шаг вперед. Сначала я думаю, что он хочет снова напасть, но позже понимаю, что он только пытается ослабить цепь, соединяющую наши запястья. Тогда я позволяю себе прислониться к стене. Это все, что я могу сделать, чтобы не рухнуть на землю здесь, в переулке.

У меня так пересохло в горле, что приходится несколько раз сглотнуть, прежде чем что-то сказать.

– Отец... моего отца убили пурпурным малусом?

Морщинка пролегает между бровями мужчины, пока он смотрит на меня сверху вниз. Затем выражение его лица снова становится непроницаемым, и он грубо бурчит:

– Да.

– Откуда ты знаешь?

– Я же охотник за головами. В мои обязанности входит знать о своем деле как можно больше.

Я пытаюсь осмыслить его слова, но внезапно навалившаяся на меня волна горя затуманивает рассудок. Мне так и хочется дотянуться до флакона, чтобы заглушить это ужасное чувство, но сейчас не самое подходящее время продемонстрировать, что в моем кармане лежит наркотическое вещество.

– Я знала, что отец был отравлен, – говорю я тихим голосом, несмотря на все усилия сохранить его ровным. – Так что это меня совсем не удивило. Но почему ты так уверен, что это был именно пурпурный малус?

Мужчина двигает челюстью из стороны в сторону. Сначала мне кажется, что он не ответит, но затем он тяжело вздыхает.

– Я обладаю довольно впечатляющим обонянием.

– И ты... почувствовал запах яда? Как? Где?

– Две недели назад, когда королева Трис пригласила меня, чтобы отправить на твои поиски. Она наложила заклятие, замедляющее разложение, и оставила столовую в том же состоянии, в каком она была в ночь убийства.

От удивления у меня расширяются глаза.

– Даже тело моего отца?

– Нет, к тому времени он был уже похоронен. Но я видел зарисовки, сделанные следователями.

Я закрываю глаза, приказывая себе не вспоминать лицо отца, черные, вздувающиеся на его бледной коже вены, бегущие ото рта к шее. Содрогнувшись, я заставляю себя снова открыть глаза.

– Так, значит, ты исследовал место преступления по... запаху. Ты почувствовал пурпурный малус. Где именно ты учуял его аромат?

– Думаю, ты и сама знаешь ответ.

Я действительно знаю, но хочу услышать это от него.

– Скажи. Пожалуйста.

– Я почувствовал запах яда в пироге, кусочек которого твой отец попробовал как раз перед смертью. Тот самый пирог, который *ты* испекла для него.

Боль обжигает мое сердце, на глазах наворачиваются слезы. Я знала, что дело в пироге. Я поняла это, как только мой отец начал задыхаться, как только увидела, как черные вены выступают на его коже. Отец откусил всего лишь маленький кусочек, прежде чем начал хвататься за горло, царапая шею и губы.

А я ничего не могла сделать.

Ничего, кроме как смотреть, как он умирает. Кричать. Вывать о помощи. О помощи, которая не придет, пока не станет слишком поздно. Внезапный шум доносится откуда-то поблизости – зрители выходят через парадную дверь Отдела Гнева.

Я почти забыла о радостных возгласах, ознаменовавших недавнее окончание дуэли, прямо перед тем, как охотник за головами потащил меня вверх по лестнице в этот переулок. Теперь, когда сражение окончено, гости высыпают на пешеходные дорожки и отправляются на поиски других пороков

в остальных отделах отеля.

Похититель дергает меня за манжету, побуждая оторваться от стены.

– Шевелись. И не устраивай сцен. Моя угроза остается в силе.

Интересно, блефует ли он. У него уже была возможность вырвать мне и горло, и сердце, но он до сих пор не сделал ни того, ни другого. Не знаю, что этот мужчина имел в виду, когда спросил, каким образом моя магия не позволяет ему причинить мне боль. Должно быть, это связано с тем, какое отражение он видит. С таким плохим настроением, как у меня сейчас, ситуация остается прежней. Если позову на помощь кого-то, с кем еще не знакома, они тут же найдут во мне только свои худшие качества. И даже если среди толпы найдется тот, кого я знаю...

Я вспоминаю, как обычно такой дружелюбный по отношению ко мне Норас позволил моему похитителю протащить меня мимо, словно я была пустым местом. Все из-за того, на кого работает этот охотник за головами.

Мне не остается ничего другого, кроме как следовать за ним. По крайней мере, сейчас. Мельком я замечала в нем... что-то раз или два. То, как несколько мгновений назад он нахмурился, когда посмотрел на меня. То, как оторвал свою руку от моего сердца вместо того, чтобы вырвать его. Возможно, существует шанс, что я смогу убедить его в своей невиновности.

Мужчина ведет меня к выходу из переулка, где нас мгновенно окружает разъяренная толпа. Некоторые посетители устремляются прямо в Отдел Похоти, в то время как другие спешат к Жадности или Обжорству. Единственное здание, в котором ночью меньше всего активности, – отдел Зависти, поскольку большинство гостей предпочитают делать покупки в светлое время суток.

Мы обходим отдел Похоти и идем по чуть менее оживленной тропинке к задней части самого большого здания Лени. Несмотря на то что Отдел Гордыни с его огромным вестибюлем, бальными залами и гостинными занимает переднюю часть здания, Леня расположилась на большей части строения.

Пока мы идем по тропинке, я стараюсь не смотреть на проходящих мимо людей. Мне не хочется производить новое впечатление, пока не удастся улучшить собственное настроение очередной дозой пурпурного малуса. Тем не менее я должна хотя бы ответить на вежливые кивки, посланные в нашу сторону. Будучи одна, я не получаю столько внимания. Неужели эти люди приветствуют каждого или это высокий рост и уверенная осанка моего похитителя заставляют их приподнимать шляпы и кивать? Вот каково это – быть... нормальным?

– Прекрасный вечер, – говорит один мужчина, останавливаясь. Он хмуро смотрит на наши руки, и я чувствую трепет надежды, зарождающийся в моей груди. Если он увидит на-

ручники...

Теплая, тяжелая ладонь прижимается к моей, пытаюсь захватить ее в плен. Мое сердце замирает от внезапного прикосновения, от ощущения, что мужчина держит меня за руку. Гораздо более уместной считается прогулка, когда дама берет своего спутника под локоть. В некоторых кругах, особенно у людей из высшего общества, рукопожатие считается вульгарным.

Жар приливает к щекам мужчины, когда он отрывает взгляд от наших соединенных ладоней.

– Добрый вечер, – бурчит в ответ мой похититель. Он не отпускает мою руку, даже когда мы проходим мимо мужчины и продолжаем наш путь.

– Куда мы идем? – спрашиваю я, отчасти по необходимости, отчасти чтобы отвлечься от тепла, что дарит его рука.

– В мой номер в отделе Лени.

Меня охватывает тревога.

– Зачем?

– Потому что мне нужно там кое-что взять. Кое-что, что позволит нам быстро вернуться в Весеннее королевство.

– Пожалуйста, не забирай меня туда, – умоляю я, безрезультатно дергая его за руку. Я говорю тихо, чтобы не услышали прохожие. И чтобы *не устраивать сцен*. – Просто выслушай меня. Я не убивала своего отца.

– Тогда скажи мне, почему ты – принцесса, в распоряжении которой кухня, полная слуг, – сама приготовила пирог?

– Это был подарок. Предложение мира.

Он бросает на меня понимающий взгляд.

– Потому что вы двое поссорились, верно?

Я поджимаю губы. Есть ли что-нибудь, чего он *не* знает?

– Если хочешь убедить меня в собственной невинности, лучше тебе сделать это сейчас, – говорит мой похититель, хотя по его тону понятно – он сильно сомневается в моем успехе. – Даю тебе время, пока мы не доберемся до моего номера. Ответь на все вопросы.

– И тогда ты позволишь мне уйти?

Он ничего не говорит, только ускоряет шаг, отчего мы все быстрее приближаемся к отделу Лени. Я понимаю его молчаливое послание. *Мое время на исходе. Сейчас или никогда.*

Правда срывается с моих губ.

– Мы поссорились.

– Из-за чего?

– Из-за его жены, – говорю я сквозь зубы.

– Подробнее.

Я прикусываю губу, моя тяга к настойке становится сильнее с каждым шагом, с каждым погружением в эти эмоции. Я провожу свободной рукой по юбке, пытаюсь сосредоточиться на мягкой текстуре, но это мало успокаивает мои нервы и не унимает остроту моего желания.

– Королева Трис пригрозила вышвырнуть меня из дворца после того, как я... отказалась выходить замуж за ее племянника.

Охотник за головами смотрит на меня.

– Почему ты отказалась?

Я вздергиваю подбородок, стараясь не думать об Альберте или раздражении, которое он во мне вызывает. На один краткий миг мне показалось, что я нашла кого-то, кого смогу полюбить. Кого-то, кто полюбит меня в ответ. Но, как и следовало ожидать, я ошиблась.

Какого цвета мои глаза, Альберт?

Твои глаза? Они... они прекрасны. Зеленые. Совсем как мои. Вот почему мне так нравится смотреть на тебя. Я могу утонуть в этих глазах.

Мои глаза не зеленые. Они серые. То, что ему больше всего нравилось во мне, – ложь.

– Я отказалась, потому что он не любил меня.

– Твоя мачеха сказала кое-что другое. Она утверждала, что ты разбила бедняге сердце.

Я прожигаю его взглядом.

– Моя мачеха ничего обо мне не знает.

Охотник осматривает меня с головы до ног, прежде чем отвести взгляд.

– Как твой отец отнесся к тому, что его жена хочет выгнать тебя из дворца?

Мой желудок сжимается. Я помню спор, который возник между нами после того, как отец сказал, что согласен с моей мачехой. Что он думает, будто для меня было бы неплохо выбраться из дворца и пойти своим путем. Я вспоми-

наю пронзившее меня насквозь чувство предательства, когда отец признался, что уже записал меня в университет, куда мне следует отправиться к концу недели. Я возражала, но он настаивал, что я обязана позаботиться о себе. Сделать что-нибудь не для кого-то, а для себя.

«Ты не понимаешь, – сказала я ему. – Я существую только в твоих глазах. В другом месте меня попросту нет».

«Пришло время тебе позволить кому-то еще увидеть тебя».

Именно эти слова привели меня в ярость. То, что он предположил, будто я виновата, что обладаю такими силами. Хотя ему лучше, чем кому-либо другому, было известно, что я не могла их контролировать. Он видел последствия. Услышать, как он предполагает, что я сама навлекла на себя эту беду...

Новая волна гнева захлестывает меня, пока я не напоминаю себе... Напоминаю...

Что больше не на кого злиться.

Потому что мой отец мертв.

Я почти падаю на своего похитителя, но он удерживает меня на месте, крепко схватив за закованную в наручники руку.

– Он собирался отослать меня, – объясняю я дрожащим голосом. – Признаю, моя реакция была недостойной. Я наговорила ему ужасных вещей.

– Например? – В его голосе не слышится ни осуждения,

ни даже любопытства. Его тон такой ровный, такой сухой и нейтральный, что это каким-то образом успокаивает меня. Немного.

– Я... я заявила, что он изменился после женитьбы на королеве Трис. Сказала, что он больше не защищает меня. Не оберегает. Я бросилась прочь, но тут же пожалела о сказанном. Вот почему я испекла пирог.

Слезы наворачиваются на глаза, когда я вспоминаю свой отвратительный, ужасный пирог. Я думала, дворцовый пекарь оторвет мне голову, услышав, что я хочу сделать все сама.

– Но почему ты все-таки приготовила его? Какая именно причина кроется за этим?

Если бы у меня были более темные чувства к моему похитителю, его догадливость впечатлила бы меня. Он задает вопросы точно так же, как я наблюдаю за своими целями, когда занимаюсь сватовством. Пытается копнуть глубже.

– Я испекла этот пирог, потому что хотела напомнить отцу, как все было до того, как Трис вошла в нашу жизнь. До его женитьбы в нашем доме готовила только я. Отец был слишком занят, всегда работал. Если бы не моя ужасная стряпня, он рисовал бы и во время обедов и ужинов. Видишь ли, мой отец был художником.

Охотник за головами, чьего имени я до сих пор не знаю, кивает.

– Да, именно так он завоевал расположение королевы

Трис. Написал ее портрет.

– Да, написал, – говорю я, не упоминая, что и сама приложил руку к этому самому портрету. Одно из последних творений, над которыми мы с отцом работали вместе. Благодаря моей магии отец смог выделить три вещи, которые Трис больше всего ценила в себе – ее волосы, кожу и губы, – а также проработать другие качества, которые привлекали Весеннюю королеву. Красоту, обаяние и привлекательность. Королева Трис была так очарована своим портретом, что сделала моего отца одним из любимых мастеров и предоставила нам комнаты во дворце. Вскоре после этого они с отцом полюбили друг друга. Она сделала его своим мужем, а позже – королем. Настоящая честь, учитывая, что королевские титулы не присваиваются супругам правящих монархов острова. Трис так сильно любила отца, что не могла позволить ему оставаться только ее супругом. Однако он не принял бы столь великую честь, не стань я принцессой. Трис подчинилась неохотно.

Мы подходим к заднему входу Отдела Лени, и два швейцара распахивают двойные двери. Когда мы переступаем порог, они не смотрят в нашу сторону, даже на наши все еще сжатые руки. Паника подступает к моему горлу, когда охотник ведет нас по роскошному, устланному фиолетовым ковром коридору. Шары света, отскакивающие от серебряных канделябров, освещают наш путь. Мы можем оказаться всего в нескольких секундах от конца нашего путешествия. Все

зависит от того, где именно расположен его номер. Больше он не станет меня слушать.

Мы обходим коридор, ведущий в мою крошечную комнату, и направляемся к серебряным воротам, рядом с которыми стоит мускулистый фейри. Вместо ступней у него широкие копыта, а на голове растут изогнутые рога. Большие копыта всегда вызывают у меня беспокойство, почти такую же сильную панику, которую я испытываю при виде лошадей, но то, что находится рядом с фейри, еще ужаснее. Лифт. Я воспользовалась им только один раз, но этого оказалось достаточно.

– А мы не можем подняться по лестнице? – шепчу я.

– Не на верхний этаж.

Я удивленно моргаю, глядя на своего похитителя. На верхнем этаже расположены лучшие номера. Я таращусь на него еще мгновение, прежде чем рогатый фейри открывает двери и кивает моему спутнику. Тот, в свою очередь, заводит меня в узкую, похожую на коробку нишу. Когда мы поворачиваемся к внушительному охраннику лицом, он закрывает ворота и отходит назад. Я слышу, как он поворачивает ручку как раз в тот момент, когда пол ниши начинает подниматься. Против собственной воли я цепляюсь за своего похитителя. Он же прислоняется к задней стенке, будто езда в движущемся ящике – самая нормальная вещь в мире.

Мысль о том, что мое время на исходе, пронзает меня. Если хочу убедить его не забирать меня обратно в Весеннее

королевство, лучше начать действовать. Я должна заставить этого мужчину поверить мне.

– Как тебя зовут? – спрашиваю я. Мой голос дрожит, поскольку с каждым дюймом подъема мой желудок сжимается все сильнее.

– Тебе незачем знать мое имя.

– Но я хочу его знать. – Я пытаюсь добавить в свой тон немного ласки, но, по-моему, он звучит только еще более испуганно.

Я поднимаю на охотника взгляд как раз вовремя, чтобы увидеть, как он разминает челюсть. Он отказывается смотреть мне в глаза, но все же отвечает:

– Охотник.

– Тебя зовут Охотник?

– Это имя, с которым ты можешь ко мне обращаться.

– Хорошо, Охотник. Умоляю, поверь мне. Я не убивала своего отца. Я бы никогда такого не сделала. Я любила его больше, чем кого-либо в этом мире... и люблю до сих пор с каждым ударом своего сердца.

Охотник переводит на меня взгляд. На его лице отражается удивление. Единственная лампочка в лифте освещает его медовые глаза и огненно-медные волосы.

У меня перехватывает дыхание. Только сейчас я понимаю, как близко мы стоим. Несмотря на то что вокруг никого нет, наши ладони все еще переплетены. Я все еще сжимаю его предплечье своей свободной рукой, которую протянула,

когда лифт начал двигаться. Я смотрю на свои пальцы, болезненно ощущая твердые мышцы под ними. Пусть Охотник и не такой мускулистый, как лифтер, но крепкий бицепс...

Пошатнувшись, я убираю руку с его предплечья и отступаю так далеко, как только позволяет цепь наручников. Мы больше не дотрагиваемся друг до друга, но от отсутствия его тепла мою кожу покалывает. Остаток пути мы едем молча. Я изо всех сил пытаюсь придумать, как доказать Охотнику свою невиновность.

Когда лифт останавливается и серебряные ворота распахиваются, показывается тускло освещенный холл с мраморными стенами, украшенными элегантными картинами и золотыми канделябрами. Полы выложены огненно-розовым и оранжевым солнечным камнем. Я никогда не была на верхнем этаже Лени. По сравнению с этим местом крыло первого уровня, в котором я живу, кажется смехотворным.

Слишком быстрыми, на мой взгляд, шагами Охотник ведет нас по тихому коридору. Чтобы не отставать и не вынуждать его тянуть за манжету, мне приходится семенить следом. Очевидно, ему не терпится попасть в свой номер. Что он сказал ранее? Что там есть кое-что, способное помочь нам быстро добраться до Весеннего королевства? Я предпринимаю последнюю попытку оправдаться.

– Пожалуйста, не отводи меня к ней. Она убьет меня.

– Знаю, – отзывается он мрачным тоном. – Меня самого послали сделать именно это. Я заключил сделку и теперь

обязуюсь принести Трис твое сердце.

– Но я не...

Он останавливается, поворачивается и смотрит на меня с яростью в глазах.

– Самое ужасное доказательство из всех все еще остается в силе. Твоя кровь пахнет тем же ядом, при помощи которого ты убила своего отца. Кроме того, я чувствую, что у тебя в кармане целый флакон. Почему ты принимаешь его? Чтобы выработать иммунитет?

Я несколько раз моргаю, глядя на него.

– Мне не нужен иммунитет. Я же наполовину фейри. Пурпурный малус не может меня убить. – Я проглатываю то, что осталось невысказанным. То, что этот яд смертелен только для людей. Для моего отца, например.

– Тогда почему ты носишь его с собой?

Правда железным грузом лежит на моем сердце. Я не люблю даже вспоминать об этом, не говоря уже о том, чтобы обсуждать с кем-то. Поэтому я ограничиваюсь самым простым ответом.

– Несколько лет назад я была ранена. Попала под лошадь и чуть не умерла, даже несмотря на кровь фейри. Целитель использовал настойку пурпурного малуса, чтобы ускорить мое выздоровление. Без него я... я бы умерла.

От этой мысли я содрогаюсь. Пурпурный малус может быть смертелен для людей, но при этом ускоряет исцеление фейри в десять раз. Его редко используют с подобной целью,

поскольку обычно фейри достаточно хорошо исцеляются сами. Но тем, у кого в венах не так много крови фейри, тем, кто не в состоянии быстро исцелиться и при этом точно не умрет от ядовитого воздействия настойки, пурпурный малус спасает жизнь.

Охотник оглядывает меня с ног до головы.

– Судя по всему, ты уже исцелилась. Почему же все еще принимаешь его?

Я прикусываю губу, прежде чем ответить.

– Я использую пурпурный малус, чтобы справиться с затянувшейся болью.

Уголки губ мужчины изгибаются в жестокой усмешке.

– Последняя фраза была ложью, верно?

Кровь отливает от моего лица. Охотник уже начинает отворачиваться, когда я выпаливаю признание.

– Я использую его, чтобы управлять своим настроением.

– Зачем?

– Потому что настроение влияет на мою магию, ясно?

– Расскажи мне о своей магии.

Я сильно сжимаю губы. Одна мысль о том, чтобы рассказать ему правду, причиняет мне боль. Не только сама магия приносила мне неприятности, но и желание рассказать о ней. В прошлом подобные разговоры, как и плохое настроение, только помогали мне наживать врагов. Единственными людьми, которые приняли мои секреты, были мой отец и Мэрибет.

Как бы мне ни хотелось ничего не говорить Охотнику, я сомневаюсь, что он воспримет молчание как ответ.

– Я зеркало, – выдыхаю я почти шепотом. – Все, что ты видишь прямо сейчас, – твое собственное отражение. Если я встречаюсь с кем-то, пребывая в хорошем настроении, они видят отражение своих лучших черт. Но если при первой встрече у меня плохое настроение, наружу всплывают только худшие качества тех, кто на меня смотрит. Иногда эти качества связаны с внешним видом. Иногда с эмоциями или чертами характера. В любом случае первое впечатление остается навсегда. Я не могу отменить свою магию или изменить то, какой меня видят другие. Это... это опасно. Вот почему я принимаю настойку. Чтобы избежать неприятностей. Не всех, но с этой настойкой у меня их явно меньше.

Я закрываю глаза от наводняющих мой разум воспоминаний о лошадиных копытах, раздавливающих мои ребра, о паре зловещих глаз и злобном женском смехе, эхом отдающемся в моих ушах...

– Нанесенные тебе травмы не были несчастным случаем, верно? – Низкий, рокочущий голос Охотника заставляет меня распахнуть глаза. Я замечаю ту же самую морщинку между его бровями, которую видела ранее, и качаю головой.

Охотник оценивает меня в течение нескольких молчаливых мгновений, потом осторожно дергает за манжету. Когда мы покидаем лифт, то идем гораздо медленнее. Воздух между нами сгущается.

Мы подходим к двери в конце коридора.

Охотник останавливается, внезапно замерев в напряженной позе. Его пальцы остаются на дверной ручке.

Я перевожу взгляд с него на дверь и обратно.

– Что такое?

Его лицо мрачнеет.

– Кто-то был в моей комнате.

Глава VI

ОХОТНИК

Аромат роз и жасмина настолько сильный, что я не понимаю, как не почувствовал его раньше. Хотя нет, понимаю. До сих пор я был слишком сосредоточен на девушке рядом со мной. На тревожащей близости, ощущении ее маленькой руки в моей, пока мы ехали в лифте, на каждом изменении ее аромата, которое знаменовало изменение ее эмоционального состояния. Я был так поглощен попытками разобраться в ней, что совсем не заметил цветочного следа, который вел прямо к моей двери.

Но теперь он очевиден. Этот аромат стекает с дверной ручки и просачивается сквозь ковер, лежащий в моем номере. Судя по двойному потоку запаха, незванный гость уже покинул мой номер и вернулся тем же путем, которым пришел. Я разрываюсь на части: мне хочется сейчас же пойти по следу, пока его источник не ушел слишком далеко, но сковывающий мой живот холодный страх заставляет вытащить из кармана ключ от номера и отпереть дверь.

Голос Астрид Сноу прорывается сквозь рев нетерпения, обжигающего мои вены.

– Вероятно, это всего лишь горничная. Не нужно так волноваться.

– Персоналу запрещено входить в мой номер. Я оставил четкие инструкции на стойке регистрации в Отделе Гордыни.

– Возможно, твоя записка потерялась, – предполагает она, когда я толкаю дверь.

Войдя внутрь, я веду за собой скованную наручниками девушку. Она останавливается, и я слышу срывающийся с ее губ вздох.

– Твой номер просто огромен.

– Разве ты не жила во дворце? – огрызаюсь я в ответ. Мое терпение на исходе. Или следует сказать, что оно не такое безграничное, как я думал. С тех пор как она сделала все, чтобы усложнить для меня, казалось бы, легкую миссию, мое терпение трещит по швам. Не будь я таким взвинченным, восхитился бы. Я перехожу на другую сторону комнаты. Мой взгляд прикован к центральному окну на противоположной стене. Оно все еще открыто точно так же, как я его оставил, а в коробке для цветов, прикрепленной к внешнему подоконнику, виднеются верхушки суккулентов⁷. Я лезу в коробку... только для того, чтобы мой страх превратился в суровую реальность.

Я хлопаю ладонью по подоконнику.

⁷ *Суккуленты* – растения, имеющие специальные ткани для запаса воды. Как правило, они произрастают в местах с засушливым климатом.

– Ад цветущий, она исчезла.

– Что-то пропало? – В голосе Астрид звучит надежда, отражающаяся в едва уловимом аромате. Должно быть, она догадалась, что кто-то сорвал мои планы.

Так и есть, потому что в этой коробке с цветами я оставил одну из самых важных вещей, которые у меня когда-либо были, – Колесницу. Это редкое устройство, изобретенное с использованием технологий Звездного королевства, позволяет мгновенно перемещаться. Конечно, для его использования нужно соблюдать несколько правил. Например, четко представлять себе пункт назначения, из чего следует, что Колесница позволяет путешествовать только в те места, где использующий ее уже бывал. Тем не менее данная технология считается настолько опасной, что было создано лишь ограниченное количество Колесниц, большинство из которых (если не все) принадлежит избранным членам королевских семей фейри.

То, что мне удалось заполучить Колесницу, было чистой удачей. По прибытии в город Люменас для поиска мисс Сноу я получил письмо от монарха Морского королевства Ронана. Он просил меня об одолжении – передать сообщение его дочери, еще одной сбежавшей принцессе, шелки, которая скрывалась на суше вот уже больше года. Я с легкостью нашел ее, доставил послание и получил взамен сообщение, которое должен был передать ее отцу. Но принцесса дала мне не только это. Она также вручила мне Колесницу, которую

была полна решимости передать Совету Альфы. Именно это я, конечно, и планировал сделать. Однажды. Может быть.

А пока я решил оставить ее себе, дабы облегчить работу. Вот почему я привел свою пленницу сюда, чтобы сразу же перенестись в Весеннее королевство... И найти ключ от наручников, который я так глупо забыл в своей комнате. Все было спланировано. Предполагалось, что я войду в номер, достану ключ из кармана пальто и с помощью Колесницы перенесу нас обратно во дворец Фейрвезер.

Но теперь...

Теперь самая важная часть плана пропала.

Я провожу рукой по лицу и смотрю на коробку с цветами. Взглядом я окидываю все вокруг в поисках любого признака серебряной шестиугольной пудреницы. Я спрятал ее под самым большим суккулентом. Так она была скрыта от посторонних глаз, но все же поглощала звездный свет – необходимый для работы источник энергии. Лучше было бы всегда держать эту вещь при себе. Хотя у меня не было особого выбора. Колесницу можно использовать только дважды, прежде чем потребуется перезарядка, так что она истощалась каждый раз, когда я навещался во дворец Фейрвезер с докладом для королевы Трис. Последний визит я нанес этим утром. Вот почему сегодня вечером я оставил Колесницу под звездами.

Я мог бы с самого начала не показывать, что обладаю этим устройством, и отправлять письма со своими отчетами, но

выставлять напоказ Колесницу было продуманным шагом. Когда я впервые лично явился с отчетом о пребывании в Ирриду, продемонстрировав, как быстро могу туда добраться, королева была впечатлена. Она завидовала. Готова была сделать нашу сделку более приятной.

Отдай Колесницу мне, когда закончишь свою миссию, и я позабочусь о том, чтобы твои заслуги не остались незамеченными. Не только твои долги будут прощены, а служба в качестве охотника за головами завершена, но я также верну тебе поместье Дэвенпорт.

Я без колебаний согласился на изменение условий, невыполнение которых приведет к моей смерти. Так что, если я потерял эту чертову штуку...

– Черт!

Это слово вырывается как рев.

Если Астрид и оскорбляет мое сквернословие, она этого не показывает.

– Объясни мне, что происходит, Охотник.

– Ты не в том положении, чтобы что-то от меня требовать, – говорю я, бросаясь за черным пальто, которое оставил на кровати. Я нахожу ключ и кладу его в карман брюк, не предпринимая и малейшей попытки расстегнуть наручники. Когда принцесса приковала меня к себе, я пришел в ярость, особенно когда вспомнил, где в последний раз видел ключ.

Теперь, смирившись с тем фактом, что не могу вырвать ее сердце, я осознаю преимущества того, чтобы быть прикованным к этой девушке. Так она никуда не денется. Именно в таком виде я доставлю ее к мачехе и наконец положу конец этому безобразию. Но сначала мне нужно найти эту чертову Колесницу.

Я бросаюсь к двери, и Астрид бежит трусцой, чтобы не отставать.

– Ты передумал? Больше не собираешься везти меня в Весеннее королевство? – Ее тон становится намного более оптимистичным. – Пожалуйста, скажи, что так и есть. Я буду так благодарна...

– Я не передумал. – Я захлопываю за нами дверь, на этот раз не потрудившись ее запереть. Единственная ценная вещь в этой комнате уже была похищена. И я собираюсь ее вернуть.

– Куда мы идем? Ты потерял ключ от наручников?

– Нет.

– Когда мы были в комнате, ты что-то достал из кармана своего пальто. Это и был ключ?

Я ничего не отвечаю и замечаю, как она начинает злиться. Если девушка думает, что я ничего не понимаю, то это не так. Я почти чувствую, как она хочет украсть у меня ключ, почти чувствую, как она прожигает расчетливым взглядом мой карман.

Когда я поднимаю на нее глаза, лицо Астрид скрывается

за молочной дымкой. Как бы я ни старался, не могу ясно разглядеть ее лицо. Я могу смотреть на нее. Понимаю, улыбается она, хмурится или сердится, могу интерпретировать выражение ее лица, но больше ничего. Ни цвета глаз, ни формы губ. Когда наши глаза встречаются, мой разум наполовину пустеет, предоставляя лишь простое восприятие Астрид. Я могу ясно видеть только ее тело, жесты и позу. Я также вижу ее одежду, хотя она окружена такой же дымкой, словно в любой момент может измениться.

«Я зеркало, – сказала она. – Все, что ты видишь прямо сейчас, – твое собственное отражение».

Я ошибся, когда решил, что она колдунья. Полагаю, ее слова также объясняют, почему описания ее внешности вообще не включали никаких физических характеристик. Если, глядя на нее, человек видит только отражение своих лучших или худших качеств, он не замечает ни одной из черт Астрид. Только любовь или ненависть к своему собственному отражению. Как, например, ее бывшая работодательница, которая утверждала, что у Астрид глаза цвета фиалки. Или как королева Трис, которая упомянула собственные розовые волосы и смуглую кожу.

Однако, когда я смотрю на нее, я не вижу ничего отчетливого. Ничего, что имело бы смысл.

Я полагал, что ее магия не позволила мне выполнить задуманное. Из-за нее я не мог вырвать сердце Астрид, даже когда мой разум подгонял меня, даже когда я приказывал

своим пальцам превратиться в когти и закончить эту сделку, чтобы позже попросить прощения у Всесущей. Но чувство, которое я испытываю рядом с этой девушкой, осознание того, насколько она маленькая и уязвимая, раздражающая необходимость делать все возможное, чтобы защитить ее... совсем не вяжется с тем, как, предположительно, устроена ее магия. *«Маленький» и «уязвимый» – качества, которыми я не обладаю, но которые ценю и не осуждаю в других.*

Возможно, раньше мне не нравилось быть маленьким и слабым, но это было давно...

Я выбрасываю эти мысли из головы и продолжаю идти по коридору, минуя лифт и поворачивая налево. Я глубоко вдыхаю и едва сдерживаю рвотный позыв, когда цветочный аромат усиливается. Терпеть не могу сильные цветочные ароматы. Все цветы, кроме тех, что растут в моем родном Весеннем королевстве и обладают тонким фруктовым ароматом, вызывают у меня отвращение. Они приторные, навязчивые. В слишком большом количестве они даже способны подавить все другие запахи. Так и произошло, когда на днях я проходил мимо сада за Отделом Похоти. К счастью, в этот раз цветочная тропа ведет к одному человеку, а не к целому саду. Хотя у меня возникает такое ощущение, что этот запах не настоящий, а искусственный, маскирующий его носителя.

Мой страх усиливается.

Если человек, укравший мою Колесницу, намеренно воспользовался цветочным ароматом, значит, кража устройства

была неслучайной. Тогда речь не о горничной, что вошла в мою комнату, увидела дорогую вещь и украла ее из наивного намерения заложить за несколько опаловых фишек. Кто бы ни взял прибор, ему известна моя слабость. Похититель с самого начала знал, что у меня есть Колесница.

– Что происходит, Охотник? – спрашивает Астрид с ноткой истерии в голосе. – Почему мы бегаем по коридорам?

– Замолчи, – рявкаю я, открывая дверь в самом конце. Она ведет в темный, узкий, тускло освещенный редкими настенными лампами холл, который, похоже, используется только персоналом отеля. Цветочный аромат уводит меня вправо и тянется вниз по лестнице.

Я уже начинаю спускаться, но Астрид сильно дергает за манжету, ухватившись другой рукой за верхнюю часть перил.

– Даже не смей приказывать мне, чтобы замолчала.

Я возвращаюсь назад и поворачиваюсь к ней.

– У нас нет времени на...

Слова застревают у меня в горле, когда я чувствую, какое-то движение у своего бедра. Широко раскрыв глаза, я смотрю вниз и понимаю, что она засунула руку в карман моих брюк. Я знаю, она всего лишь пытается заполучить ключ от наручников, но тем не менее ее смелое прикосновение ошеломляет меня. Настолько, что к моменту, когда я собираюсь с мыслями и пытаюсь оттолкнуть ее, ключ уже у Астрид. С торжествующей улыбкой она подносит его к манжете

и вставляет в замок...

Ее бесцветные, бесформенные глаза расширяются. Она снова пытается открыть наручники.

Я еле сдерживаю смех, пока еще несколько секунд наблюдаю за ее тщетными усилиями.

– Это ключ от моей комнаты, – сообщаю я. После чего запускаю руку в тот же карман, в который она так нагло залезла, и вытаскиваю другой, намного меньше первого. – А вот этот от наручников.

Астрид тянется к нему, но я убираю ключ за пределы досягаемости. С рычанием она придвигается ближе, пока ее тело не прижимается к моему. В попытках получить желаемое девушка едва не взбирается мне на грудь. Из-за моей быстрой подсечки она теряет равновесие. Прежде чем Астрид успевет приземлиться на задницу, я обхватываю ее обеими руками, но не позволяю полностью выпрямиться. Вместо этого я держу девушку под наклоном, так, чтобы она не смогла меня пнуть. Наши лица всего в нескольких дюймах друг от друга. Запах лимонов становится горьким, едва ли не достаточно сильным, чтобы перебить цветочный след, по которому я все еще отчаянно пытаюсь идти.

Я встречаюсь с ней взглядом и чувствую, как что-то сжимается в моей груди. Снова то же желание, потребность защитить ее. Следующее слово срывается с моих губ гораздо мягче, чем предполагалось.

– Хватит.

Астрид прижимает свободную руку, в которой все еще держит ключ от номера, к моей груди.

Но я не двигаюсь с места.

– Хватит, – повторяю я.

– Нет! Я не перестану бороться с тобой. Не тогда, когда ты намерен вести меня на верную смерть.

Еще одно прикосновение к моему сердцу.

– Прямо сейчас мне нужно кое-что забрать. Если не сделаю это как можно скорее... просто... Я же говорил, что вырву тебе глотку, если будешь шуметь.

Медленно Астрид поднимает подбородок, затем наклоняет голову набок, обнажая свою шею. Не спорь мы, это могло бы выглядеть соблазнительно. Горький запах лимонов омрачается тяжелой волной страха.

– Тогда сделай это.

Я смотрю на нежную плоть, которую она обнажила, плоть, которую я отчетливо вижу. Пульс скачет у основания шеи Астрид. Мое сердце эхом ударяется о ребра.

Что-то, теплое и нежеланное, шевелится внутри меня и занимает свое место рядом с проклятым инстинктом защищать ее. Смешивается с ним. Насмехается надо мной.

– Ад цветущий, – чертыхаюсь я, ставя девушку на ноги и отходя от нее так далеко, как только позволяют наши скованные руки. – В любой момент, пока мы задерживаемся здесь, вор может уйти. Мне нужно вернуть то, что он украл.

Астрид пытается скрестить руки на груди, но сдается, ко-

гда понимает, что со скованной рукой сделать это, не приблизившись ко мне, невозможно. Вместо этого она кладет свободную руку на бедро.

– А мне какое дело?

Раздражение разгорается в моей груди, вытесняя другие, менее подходящие эмоции. Мне нужно заставить ее подчиниться. И как можно скорее.

– Послушай, – говорю я сквозь зубы, – если спокойно пойдешь со мной прямо сейчас, я... Я дам тебе целый час, чтобы рассказать свою версию истории.

Глядя на меня, она несколько раз моргает.

– Правда?

– Да.

– Пообещай, – настаивает она, делая шаг вперед. – Пообещай, что дашь мне целый час, чтобы все рассказать. Пообещай, что внимательно выслушаешь меня и действительно *попытаешься* понять, виновна ли я.

Разум напоминает мне, что обещания фейри почти так же обязательны к исполнению, как и сделки. Но подобное обещание я могу сдержать. Даже если поклянусь дать Астрид шанс доказать собственную невиновность, это еще не значит, что в конце концов я не отведу ее к королеве Трис.

– Обещаю, – поспешно говорю я, прежде чем она успевает добавить еще какие-то условия. – А теперь давай...

Она бросается вперед, проводя пальцами по моей руке. Я снова убираю ключ от наручников подальше и пронзаю де-

вушку свирепым взглядом.

– Это не то, что я называю «спокойно пойти со мной».

Она пожимает плечами и смотрит прямо на меня.

– Я была вполне спокойна. – Тон Астрид намекает, что, скорее всего, это не последняя ее попытка заполучить ключ.

Мне в голову приходит мысль.

Коварно усмехаясь, я удерживаю ее взгляд. Скованной наручниками рукой я дергаю за пояс своих брюк, а другой роняю ключ прямо в нижнее белье.

– Попробуй достать его теперь.

У нее перехватывает дыхание. Аромат цветов яблони становится почти таким же сильным, как и горький лимон. Подобных изменений я раньше в ней не замечал.

– Ты отвратителен, – говорит она, отводя взгляд от моей промежности. Будь я в состоянии получше рассмотреть ее лицо, готов поспорить, что обнаружил бы, как она покраснела.

Это доставляет мне немалое удовлетворение.

Я осторожно тяну за ее манжету, и Астрид следует за мной без дальнейших возражений. Тем временем я прогоняю воспоминания о руке Астрид в моем кармане и сосредотачиваюсь на запахе вора.

Глава VII

АСТРИД

Почему его штаны такие тесные? Это все, о чем я могу думать, пока мы спускаемся по узкой лестнице Отдела Лени. Когда я засунула руку в его карман, чтобы забрать ключ, сразу же встревожилась тем, как близко прилегает ткань к его твердому бедру. В том, что я схватила не тот ключ, я виню его неприлично узкие брюки. Не то чтобы я действительно верила, что могу сбежать, даже освободившись от наручников. Но попробовать стоило. По крайней мере, Охотник пообещал выслушать меня, потому что теперь достать нужный ключ у меня нет ни единого шанса.

Я краснею при воспоминании о том, на чем остановился мой взгляд, когда этот мужчина сунул маленький кусочек меди себе за пояс. Несмотря на то что я не видела, что скрывается под его нижним бельем, вырисовывающихся очертаний было более чем достаточно, чтобы осуществить... предварительный осмотр.

Черт бы побрал его узкие брюки. Конечно, они достаточно большие, чтобы вместить такого, подобного медведю, мужчину, как он. Почему он не выбрал более разумное для тай-

ника место?

Когда мы достигаем нижнего этажа, Охотник ускоряет шаг. Он одержим идеей напасть на след предполагаемого вора. Вора, который забрал какую-то важную вещь. Какую именно, Охотник мне не говорит. Все, что мне остается, это следовать за ним.

Он выводит нас через дверь, на которой нет никаких табличек. Теплый воздух встречает нас с другой стороны. Я оглядываюсь и понимаю, что мы находимся позади Отдела Лени, рядом с дорожкой, которую пересекли не так давно. Однако вместо того, чтобы вернуться тем же путем, Охотник ведет нас по более узкой тропинке, украшенной по бокам кустарниками и клумбами с кактусами. Вокруг почти ничего, так как большинство посетителей уже нашли, каким порокам посвятить остаток ночи. Из Отделов Похоти, Жадности и Обжорства доносятся звуки музыки – три отдельные мелодии, которые каким-то образом умудряются заглушить грехи, царящие за их дверями. В то же время Гнев и Зависть останутся тихими до конца вечера. Музыка становится громче по мере того, как мы приближаемся к концу тропинки. Она выходит на главную дорожку, где Охотник резко сворачивает налево.

– Мы уже близко, – бормочет он себе под нос, ведя нас по аллее между Похотью и Гневом.

– Ближе к чему? – У меня мурашки по коже от темного переулка в сочетании со знойными ритмами, доносящимися

из каждого окна Отдела Похоти. Внезапно быть прикованной к человеку, готовящемуся встретиться с вором, кажется мне безрассудным. – Разве тебе не следует расстегнуть наручники, прежде чем ты займешься своими... сомнительными делами?

Он усмехается.

– Ни за что.

Когда мы огибаем заднюю часть Похоти и направляемся к саду, я пытаюсь привести другие аргументы.

– Что, если... что, если меня ранят? Что, если меня убьют? Кажется, ты очень хочешь выполнить свою миссию, но если кто-то другой доберется до моего сердца первым, ты уже не сможешь его вырезать.

Мои слова привлекают внимание Охотника. Он резко останавливается и хмуро смотрит на меня. Его рот приоткрыт, будто он хочет что-то сказать. Затем мужчина поджимает губы и, не говоря ни слова, тянет меня вперед. Он делает еще несколько шагов, прежде чем снова останавливается и осматривается по сторонам.

– Чертовы цветы, – бормочет он, потирая переносицу. С разочарованным рычанием Охотник направляется прямо в сад. Вход – задрапированная выющимся жасмином решетка из солнечного камня – ведет к множеству грунтовых дорожек, выложенных опалом. Ароматы сирени и роз наполняют мои чувства и успокаивают нервы – приятная вещь, учитывая, что мне все еще не удалось получить новую дозу пур-

пурного малуса. При встрече с вором мое настроение будет иметь большое значение. Создав положительное первое впечатление, я могла бы побудить его помочь мне.

Я глубоко вдыхаю, позволяя прекрасным ароматам успокоить меня еще больше.

– Я люблю цветы, – говорю я, сопровождая собственный шепот вздохом.

– Конечно, любишь, – говорит он, будто это что-то плохое. Я бросаю на Охотника взгляд. С тех пор как мы вошли в сад, он стал более напряженным и, кажется, перестал идти прямо по следу, как делал это в Отделе Лени. Вместо этого мужчина ведет нас по лабиринту пешеходных дорожек, поворот за поворотом, только для того, чтобы изменить направление. В глаза также бросается, как он время от времени прикрывает нос или зажимает переносицу, будто не может справиться с восхитительно сладкими ароматами, которые нас окружают.

И тут я все понимаю. С таким острым обонянием, как у Охотника, аромат сада может оказаться невыносимым.

– Ад цветущий, – цедит он сквозь зубы, резко останавливаясь и проводя рукой по лицу. – Терпеть не могу это место.

Видя его таким расстроенным, я понимаю, что сейчас идеальное время и место, чтобы попытаться сбежать. Я прикусываю губу, проклиная себя за то, что ранее так глупо попыталась украсть у него ключ. Если бы только я подождала нужного момента...

Рядом раздается глухой стук, такой тяжелый, что опало-

вая ступенька содрогается у меня под ногами. Мы поворачиваемся на звук, но в темноте видим только силуэты кустов и деревьев.

Еще один глухой удар. На этот раз одно из деревьев колыхается.

Или... возможно, это вовсе не дерево.

Силуэт смещается, заставляя ступеньку снова загрохотать. Затем тень отклоняется в сторону.

К нам.

Охотник отступает назад, увлекая меня за собой. В этот момент появившаяся из-за деревьев высокая фигура выходит на тропинку.

У меня перехватывает дыхание, когда луна освещает зеленую кожу, огромные мясистые руки и рот, полный заостренных зубов.

Огр.

И не просто какой-нибудь огр.

Мертис, который сражался с Хелоди в яме. Он носит ту же набедренную повязку и то же свирепое выражение лица. Чтобы удостовериться окончательно, я замечаю отсутствие пальца на его правой руке – пальца, который откусила Хелоди. Я не могу понять, как ему удалось выжить. Гриффоны – мастера быстрого обезглавливания. Значит, либо Хелоди проиграла, либо орг сдался.

Ни один из сценариев не приносит утешения.

Не тогда, когда прямо перед нами стоит злобный фейри,

из чьей пасти капает слюна и в чьих желтых глазах читается жажда голода.

Мертис переводит взгляд с меня на Охотника, словно раздумывая, кого из нас сожрать первым.

Подобные нападения, на людей или фейри, в высшей степени незаконны. Этот факт утешал меня, когда я пустилась в бег и впервые в жизни осталась одна. Но теперь...

Теперь такие запреты, похоже, не имеют ни малейшего значения. Кого волнует закон, когда вас вот-вот съест огр?

Губы Мертиса кривятся в злобной улыбке, обнажая еще больше острых, как бритва, зубов. Он переминается с ноги на ногу, отчего земля снова начинает сотрясаться.

– Отойди, – рявкает Охотник. Мне требуется мгновение, чтобы понять, что приказ был адресован не огру. Мужчина вытягивает передо мной руку, но, поскольку она прикована к моей, данный жест только вынуждает меня ударить себя в живот своей собственной рукой.

Я стону, и он смотрит на меня широко раскрытыми глазами, переводя взгляд с моего лица на манжеты.

– Извини, – бормочет Охотник. Он поворачивает руку так, чтобы я оказалась полностью скрыта за его широкой спиной. – Я вынужден попросить тебя достать ключ.

Меня пронзает всплеск тревоги.

– Что?

– Протяни руку вперед и вытащи ключ.

– Сам его вытаскивай!

– Мне придется сразиться с ним! Уверена, что хочешь быть прикованной ко мне, когда он нападет?

Я оглядываю торс Охотника как раз вовремя, чтобы увидеть, как пригнулся готовый к атаке Мертис.

– Возьми ключ. Сейчас же.

Это все, что я слышу, прежде чем огр бросается вперед.

Охотник отступает, заставляя меня, в свою очередь, отшатнуться, но мы делаем всего три шага, прежде чем огромная рука Мертиса смыкается на голове Охотника. Даже с отсутствующим пальцем хватка огра кажется невероятно сильной. Время будто бы замирает, когда желчь подступает к моему горлу, пока я с ужасом наблюдаю, как Мертис сжимает кулак вокруг шеи Охотника. Какая-то часть меня задается вопросом, должна ли я позволить этому случиться, позволить огру убить моего похитителя. Но стыд, чувство вины, отвращение тут же заставляют подобные мысли испариться. Чувство вины. Отвращение.

Пусть мне не нравится Охотник, который покушался на мою жизнь, но, что бы он обо мне ни думал, я не убийца. А если позволю ему умереть...

Мои глаза расширяются, когда Мертис сжимает кулак сильнее. Что-то большое и пушистое пытается оторвать руку органа от лица Охотника. Из коричневой массы вырастают огромные когти. Это что... рука?

– Ключ, – хрипит Охотник сдавленным, приглушенным ладонью чудовища голосом.

Не раздумывая ни секунды, я проглатываю панический визг и прижимаюсь к спине своего похитителя. Свободной рукой я дотягиваюсь до его ширинки... а затем скольжу ладонью внутрь. Возможно, сейчас не время для скромности, но мои щеки все равно пылают, пока мои пальцы опускаются по его теплой коже, обнаруживая то, очертания чего я заметила раньше. Чтобы дотянуться, я наклоняюсь ближе к его ребрам, хватаясь за некоторые вещи, которые мне действительно не следовало бы трогать. Охотник, кажется, ничуть не встревожен. Хотя в данный момент у него есть гораздо более неотложные дела, чем быть бесцеремонно облапанным своей пленницей. Тем не менее моя задача становится более затруднительной из-за того, как он ерзает и уворачивается в попытке отбиться от огра.

Я поднимаю взгляд и вижу, что пушистая коричневая масса внутри кулака Мертиса стала больше. На самом деле это все, что я действительно *вижу*. Голова Охотника теперь полностью скрыта, но я все равно могу слышать его голос.

– Ключ, черт побери!

– Я пытаюсь, – огрызаюсь я в ответ, возобновляя свои усилия.

– Из-за этих наручников я не могу полностью перекинуться.

– Я же сказала, что пытаюсь.

Я тянусь дальше, глубже. Наконец, кончиками пальцев я касаюсь металла. Зажав ключ между пальцами, я вытаски-

ваю ладонь. Я отступаю назад, ключ дрожит в моей руке. Я не уверена, кого должна освободить первым – себя или его. Если освобожусь, смогу убежать далеко, прежде чем Охотник даже подумает искать меня снова. Теперь, когда я знаю, как его раздражают цветочные ароматы, у меня появилось преимущество.

Но может ли он изменить форму с наручником на запястье? Я знаю, что феяри могут принимать зримую или незримую форму и в одежде. При этом даже прорастающие сквозь них крылья или когти не портят наряда. Но входят ли в этот список металлические наручники?

– Надеюсь, что не пожалею об этом, – бормочу я, сначала вставляя ключ в замок его манжеты. Когда звуки борьбы становятся громче, мое сердце колотится о ребра. Наконец плоский конец манжеты открывается. Рывком я отцепляю изогнутую сторону от запястья Охотника, и он замахивается освобожденным кулаком, целясь в живот огра. Я медленно отступаю на несколько шагов, стараясь не привлекать к себе внимания Мертиса...

Слишком поздно.

Огр устремляет на меня взгляд своих желтых глаз. С рычанием он отпускает шею Охотника. Я успеваю заметить только размытое пятно коричневого меха, белья и кожи, прежде чем Мертис проводит острыми зелеными когтями по передней части туловища Охотника. Огр покрывается брызгами крови и отбрасывает Охотника в сторону, будто тот ве-

сит не больше тряпичной куклы.

Затем Мертис бросается на меня.

Глава VIII

АСТРИД

Все, что мне остается, это бежать. Нет времени освобождаться от наручников. Так что я позволяю свободному концу свисать с моего запястья и направляю все свое внимание на то, чтобы избежать атаки огра. Я не осмеливаюсь оглянуться, даже когда слышу, как содрогаются кусты и сметаются клумбы. Наконец я добираюсь до арки из солнечного камня и проскакиваю через нее, нацелившись на аллею между Похотью и тянущейся по периметру стеной отеля. От паники у меня сводит горло, учащается пульс, а в уголках глаз собираются слезы. Если доберусь до Похоти, смогу позвать кого-нибудь на помощь. Если найду кого-то, с кем уже знакома, мадам Дезире, например, не придется беспокоиться о плохом впечатлении, которое я могу произвести в столь опасном эмоциональном состоянии.

В тот момент, когда я добираюсь до входа в переулок, позади слышится громкий глухой удар. Только тогда я решаюсь бросить взгляд через плечо. Мертис в полудюжине футов, а арка из солнечного камня лежит руинами на его пути. Я ускоряю шаг и несусь по переулку. Мои крики о помощи

заглушает страстная музыка, все еще доносящаяся из-за закрытых ставен Отдела Похоти.

Если только смогу добраться до входной двери...

Если только смогу попасть внутрь...

Я почти достигаю другого конца переулка. Остается всего несколько футов до фасада здания, когда огромная рука хватается меня за талию. Воздух вырывается из моих легких, а желудок сжимается, когда огр оттаскивает меня от столь желанной свободы и отбрасывает назад, туда, откуда я и начала свой побег. Я приземляюсь на бок рядом с одним из мусорных баков. Волна боли прокатывается по моему бедру, отдается в локте. Но мне не выпадает шанса сосредоточиться на этом, потому что огр снова настигает меня. Однако в этот раз он двигается медленно. Его взгляд перебегает с одной стороны переулка на другую, будто он еще не понял, куда я упала. Либо тени, отбрасываемые Отделом Похоти, не позволяют ему четко видеть, либо он просто не ожидал, что я улечу так далеко.

Дюйм за дюймом я приподнимаюсь от земли и подползаю ближе к стене.

Возможно, он меня не заметит.

Все мои надежды рушатся, когда взгляд чудовища останавливается на мне. Ускоряя шаг, он сокращает расстояние между нами. Несмотря на боль в бедре, я заставляю себя подняться на ноги. Если существует хоть какая-то надежда сбежать, следует использовать габариты огра против него. Мо-

жет, он сильный и тяжелый, но он также и неуклюжий. Если дождусь того момента, когда он снова попытается схватить меня, смогу увернуться и убежать к входной двери Похоти, прежде чем великан не успеет даже обернуться.

Мое дыхание становится прерывистым, когда страх скручивает внутренности. Я вижу, как ко мне приближается огромная фигура, как огр разжимает кулак и протягивает руку к моему животу...

Мертис отшатывается в сторону, когда в его плечо врезается масса коричневого меха.

Медведь.

Я не могу оторвать глаз, смотря, как огр с грохотом падает на землю, а медведь наваливается на него сверху. Зеленый кулак врезается медведю сначала в бок, затем в голову, но тот не отступает. Его губы растянуты в оскале, открывая пасть, полную острых зубов.

Я осознаю, что это за медведь. *Кто* этот медведь.

Охотник.

Какую бы рану ни нанес огр, когда вцепился когтями в охотника за головами, она, скорее всего, была не слишком серьезной. Будучи чистокровным фейри, он быстро исцелился. Но теперь, когда огр вонзает когти, бьет медведя кулаком по морде, раны Охотника кровоточат еще сильнее. Только на этот раз не он один истекает кровью. Медведь скрипит зубами, царапает когтями руки и лицо огра.

Я разрываюсь между желанием увидеть, чем закончится

битва, и желанием добраться до безопасного места. Последнее побеждает. Неуверенными шагами я огибаю мусорный бак и начинаю красться к противоположному концу переулка. Так я окажусь на заднем дворе Отдела Похоти. В отличие от Гнева, в этом отделе нет черного хода. Но пока два фейри заняты схваткой, у меня есть шанс ускользнуть. Бросив еще один взгляд на сражение, я бросаюсь бежать.

От оглушительного рева, что сотрясает воздух вокруг, у меня звенит в ушах. Мое сердце сжимается, когда позади раздается звук громких шагов. На бегу я оглядываюсь через плечо, отчаянно надеясь увидеть там Охотника, а не огра.

Сегодня явно не мой день.

За мной бежит огр, его лицо, покрытое рваными ранами, искажено яростью. Но ранения не замедляют гиганта. Вскоре он настигнет меня...

Медведь врзается в спину огра, отчего тот заваливается вперед. В попытке не быть раздавленной, я едва не спотыкаюсь. В последний момент, как раз когда огр падает, я поворачиваю в сторону здания. Охотник впивается когтями в плечи Мертиса и прижимает его к земле. Затем он молниеносно вонзает зубы в заднюю часть шеи гиганта. Один раз. Другой. Огр дергается, но после третьего укуса замирает. Потому что именно это укус отделяет голову Мертиса от его тела.

Несколько мгновений я смотрю на это ужасное зрелище, наблюдая, как кровь пропитывает землю переулка, словно пруд, жуткий и черный под темным ночным небом. Я не могу

даже моргнуть. Не могу отвести взгляд. И не могу перестать дрожать.

Огр мертв.

После обезглавливания пути назад нет.

Какое-то движение привлекает мое внимание, и я перевожу взгляд с мертвого существа на медведя, медленно сползающего со своей жертвы. Кровь стекает с морды Охотника, с его когтей.

Мое внимание переключается на округлые уши, коричневые бока.

Медведь делает ко мне неуверенный шаг. Затем еще один.

Я слишком слаба, чтобы пошевелиться.

Я с трудом сглатываю, в моем горле сухо как в пустыне.

– Ты... ты такой...

– Пугающий? – Низкий голос Охотника исходит из глубины его медвежьей формы. Как и келпи, которого я однажды встретила, он не шевелит губами, когда говорит.

Мой взгляд возвращается к его круглым ушам.

– Ты такой...

Еще один шаг ближе.

– Ужасающий?

Что-то внутри меня тает, и сквозь темную бурю моих эмоций прорывается спокойствие.

– Пушистый.

Он замирает.

– Что?

Не обращая внимания на лужи крови вокруг нас, я делаю шаг навстречу.

– Можно мне потрогать твой мех, пожалуйста?

Когда слова слетают с моих губ, я знаю, насколько они нелепы. Но мой разум не в лучшем состоянии. Я на грани истерики, балансирую между безопасностью и зияющей пропастью горя. Прямо сейчас мне нужно утешение. Или моя настойка.

Охотник подходит еще на несколько шагов ближе и напряженным тоном отвечает:

– Полагаю, что да.

Его разрешения достаточно, чтобы я протянула руку и зарылась пальцами в мягкую шкуру. По моему телу прокатывается гул блаженства, пока я глажу шелковистую шерсть. Разум пытается напомнить мне, что он, скорее всего, весь в крови, но сейчас я хочу только одного – успокоить свои эмоции, заглушить панику, печаль, агонию.

– Ты такой мягкий, – замечаю я, лишь наполовину осознавая, что вообще что-то говорю. – Мне требуется вся моя сдержанность, чтобы не обнять тебя крепко-крепко и не уткнуться лицом в твою шею.

Его толстая, теплая шкура начинает колыхаться под моими руками, пока медведь не исчезает.

Я моргаю, глядя на свои руки, которые больше не утопают в коричневом меху, а... прижаты к груди Охотника.

– Да что с тобой такое? – спрашивает он.

Я хмуро смотрю на своего похитителя, обнаружив, что он смотрит на меня в ответ прищуренным взглядом из-под изогнутых бровей. Этот взгляд пробивается сквозь кратковременную дымку комфорта и напоминает мне, где я нахожусь. И что произошло. Чьей груди я касаюсь.

Мои щеки пылают.

– Мне просто нравится мех, вот и все.

Я делаю шаг назад и отдергиваю руку. В этот момент слышится щелчок.

Губы Охотника изгибаются в кривой усмешке. Он поднимает руку, демонстрируя, что снова застегнул другой конец наручников на своем запястье.

От удивления у меня расширяются глаза.

– Зачем ты это сделал?

– Довольно удобный способ предотвратить твой побег.

Я пытаюсь скрестить руки на груди, но ничего не получается, поскольку наручники только притягивают нас ближе друг к другу.

– Медведем ты мне больше нравился.

– А ты мне не нравишься совсем. Дай сюда ключ.

Я сжимаю пальцы в кулак, из-за чего осознаю кое-что поразительное. Ключа в моей руке больше нет. Съежившись, я говорю:

– У меня его нет.

– Что?

– Ты же не ожидал, что я буду держать его, пока на меня

нападает огр?

Выражение лица Охотника смягчается. Он подносит руку к лицу и зажимает переносицу.

– Как думаешь, где именно ты его обронила?

Я уже собираюсь сказать, что ключ может быть где угодно, но невольно смотрю на землю рядом с мусорными баками, куда огр бросил меня. Охотник следит за моим взглядом. Прежде чем я успеваю сказать хоть слово, он уже тащит меня туда. Мне требуется вся сила воли, чтобы не взглянуть на громадное мертвое тело, которое мы огибаем.

– Ищи ключ, – командует он.

Я подчиняюсь, потому что этот ключ нужен мне так же, как и ему. А если смогу найти его первой... Лунный свет отражается от чего-то, выглядывающего из-под ближайшего мусорного бака. Я наклоняюсь и морщусь от боли, которая пронзает мое бедро. Восторг переполняет меня, когда я хватаю ключ. Однако Охотник вынуждает меня выпрямиться прежде, чем я успеваю положить свою находку в карман. Он протягивает руку.

– Отдай его мне, – говорит мужчина сквозь стиснутые зубы.

Я смотрю на своего похитителя с вызовом. При воспоминании о том, как он спрятал ключ в месте, из которого я не смогу его достать, в голове у меня зарождается идея.

– Отдай мне ключ, или я заберу его силой, – его тон, наполненный предупреждением, становится мрачным. Мед-

ленно я направляю руку к груди... – Не смей, – шипит он.

Я подношу ключ ближе, готовясь опустить его под блузку и спрятать в корсете.

Охотник усмехается.

– Думаешь, я его не достану?

Его вопрос заставляет меня засомневаться.

– Это было бы совсем не по-джентльменски.

– То, как ты ощупывала мои ягодицы, тоже не каждая леди сможет, – намекает он.

Я обжигаю его хмурым взглядом.

– Ты заставил меня это сделать.

Кривая ухмылка на его лице сменяется коварной.

– Так вот почему ты хочешь положить ключ под блузку?

Потому что тебе нравится думать о том, где он побывал до этого? Тебе доставляет удовольствие мысль о моем большом, твердом... *ключе*... зажатом между твоих груди?

Не думаю, что когда-либо раньше мои щеки горели подобным огнем. Я могу только надеяться, что Охотник этого не видит, что его впечатление достаточно сильное, чтобы скрыть мое истинное лицо.

Из-за самодовольной уверенности в его глазах я начинаю бояться, что он действительно *видит* мой румянец.

– А ведь эта штука, вероятно, покрыта кровью огра. Ты точно хочешь, чтобы она касалась твоих...

С разочарованным рычанием я протягиваю руку. Охотник без колебаний забирает у меня ключ. Я замечаю, что вместо

того, чтобы снова засунуть его в нижнее белье, мой похититель прячет его в карман. Вероятно, он не хочет, чтобы кровь ога касалась и его интимных мест.

Охотник легонько дергает за манжету. Мы делаем первый шаг по направлению к передней части здания, когда он, напрыгшись, резко останавливается. Мне требуется мгновение, чтобы понять, что его так напугало. Я думаю о наихудшем из возможных сценариев – огр сумел пережить смертельный удар медведя и снова готовится на нас напасть.

Затем я замечаю толпящиеся у входа в переулок силуэты. Похоже, у нас появились зрители.

Глава IX

ОХОТНИК

Мужчины и женщины высыпают в переулок и останавливаются при виде открывшейся перед ними сцены. Судя по тому, что наши зрители едва одеты, все они, должно быть, частые посетители Отдела Похоти. Кажется, несмотря на доносящуюся из борделя музыку, последнее падение огра наделало достаточно шума, чтобы привлечь внимание тех, кто был внутри. И все же я проклиная себя за то, что не сумел почувствовать их присутствие до того, как нас заметили. Запах крови огра, смешанный со слишком сильными цветочными ароматами расположенного за зданием сада, затуманил мое обоняние.

Черт... Похоже, сбежать с кровавой сцены незамеченными, как я надеялся, нам не удастся. Я делаю глубокий вдох, морщась от приторного, жгучего запаха, который наполняет ноздри. Затем скованной наручниками рукой я сжимаю ладонь Астрид, снова маскируя наши узы чересчур фамильярным прикосновением.

Я веду нас к группе людей. Когда мы подходим, от толпы отделяется высокая, стройная фигура. Женщина-фейри

с розовой кожей и красными, как рубин, волосами. Возможно, эльф в зримой форме. Когда ее взгляд останавливается на Астрид, глаза незнакомки расширяются.

– Мисс Лавкрафт! – задыхаясь, произносит женщина-фейри. Она мельком смотрит на тело позади нас и отступает. Ее губы кривятся в усмешке. – Это... кровь?

Аромат Астрид наполняется паникой.

– Мадам Дезире...

– Что вы натворили? Зачем привлекли такое... такое, – она указывает на силуэт мертвого огра в конце переулка, – такое отталкивающее зрелище к моему заведению? Только не говорите, что это результат вашей... работы.

Астрид открывает рот, но я опережаю ее. Приходится тщательно подбирать слова, чтобы убедить в их правдивости.

– Я спас эту женщину от нападения огра. Не успею я вовремя, следующей его целью мог бы стать ваш бордель.

Последняя часть звучит не слишком убедительно, но слово «*мог бы*» позволяет мне сделать подобное заявление. Всегда есть шанс, что что-нибудь случится.

Раздражение мадам Дезире слегка утихает, особенно когда она оглядывает меня снизу вверх.

– Мисс Лавкрафт повезло, потому что ей попался такой красивый спаситель.

Взгляд женщины на мгновение останавливается на наших сцепленных руках, и в ее глазах отражается что-то похожее

на зависть.

Чтобы обеспечить дальнейшее сотрудничество, я лезу в карман своего порванного жилета и извлекаю большую золотую монету, на которой выгравирован замысловатый знак с буквами СА.

Я передаю монету мадам Дезире. Она рассматривает ее всего мгновение, прежде чем снова сосредоточить все внимание на мне.

– Вы служите Совету Альфы.

Заявление хозяйки борделя вызывает шквал шепота в толпе. Собравшиеся бросают на меня благоговейные взгляды.

У меня мурашки по коже от того, как легко разглашается эта информация. Для моей работы лучше держаться в тени. И все же публичное раскрытие моей личности может оказаться нашим единственным шансом избежать дальнейших осложнений. Убийство фейри, даже в целях самообороны, обычно сопровождается долгими судебными разбирательствами. Но не для назначенного Советом Альфы Охотника, который только выполняет свои обязанности.

– Да, я здесь по частному делу.

Мадам Дезире возвращает мне монету, и выражение ее лица становится приторно-сладким.

– Должно быть, вы очень важный человек. Пожалуйста, примите мою благодарность за защиту моего скромного заведения от таких мерзких личностей, как этот... монстр. –

На лице фейри вспыхивает отвращение, когда она снова бросает взгляд на мертвого огра. Мадам Дезире понижает голос. – Я поговорю с мадам Онор, позабочусь, чтобы это дело было улажено без лишнего шума.

Мадам Онор, должно быть, глава Отдела Гордыни. Вполне логично, что именно этот отдел охватывает такой аспект, как уборка. И избавление от тела.

– Я принимаю вашу благодарность и помощь, но хочу попросить еще об одной услуге.

– Все что угодно. – Мадам Дезире хлопает ресницами и кокетливо взмахивает рукой, будто собирается провести кончиками пальцев по моей груди. Ладонь Астрид напрягается в моей, и я чувствую, как внезапная взволнованность распространяется вверх по ее руке. Пальцы мадам Дезире замирают в нескольких дюймах от моего торса, когда она замечает кровавые порезы на моей одежде. Хозяйка борделя отдергивает руку и вместо этого кладет ее на свое округлое бедро.

– Я хотел бы снять комнату на ночь. Подойдет любой номер, который у вас есть. Можете записать все расходы на счет Совета Альфы.

Мадам Дезире вздергивает подбородок.

– Я могу предложить вам самую лучшую комнату. И много чего еще. Я пошлю к вам трех самых красивых девушек.

– Я хотел бы провести ночь с... – Я собираюсь сказать «мисс Сноу», когда вспоминаю, что мадам Дезире называла

ее «мисс Лавкрафт». – Если вы не возражаете, я хотел бы провести ночь с мисс Лавкрафт. *Только с ней.*

На лице мадам Дезире отражается удивление.

– Мисс Лавкрафт?

Астрид сжимает мою руку. То, как ее ногти впиваются в мою ладонь, скорее всего, можно считать молчаливой угрозой. Я чувствую, как она прожигает взглядом мое лицо, но все же не спорит.

– Да, – говорю я, а мадам Дезире продолжает озадаченно моргать. Возможно, я пришел к неточному выводу относительно рода занятий Астрид? – Она ведь работает на вас, верно? – спрашиваю я.

Астрид открывает рот, но успевает только пикнуть, прежде чем ее голос заглушает пылкий тон мадам Дезире.

– Конечно, она работает на меня! Причем с большим энтузиазмом. – Она переводит взгляд на Астрид. В глазах хозяйки борделя читается явное предупреждение. – Астрид проведет с вами ночь. Потому что она работает на *меня*, и лучше бы ей об этом не забывать.

Рука Астрид снова напрягается в моей, но она только отвечает:

– Конечно, мадам Дезире.

* * *

Несколько минут спустя мы с Астрид остаемся одни в

спальне на самом верхнем этаже Отдела Похоти. Просторная комната с полом, устланным опалом огненного цвета, стенами, оклеенными розовыми обоями, и плюшевыми коврами, сотканными из рубиновой шерсти. Излучающие розовое сияние лампы ярко освещают кровать – единственный предмет мебели, если не считать двух узких тумбочек.

Все это свидетельствует о том, что эта комната предназначена только для одного.

Астрид, кажется, тоже это понимает, поскольку смеет посмотреть на все вокруг, кроме кровати. Она отходит от меня так далеко, как только позволяют наручники.

– Я так понимаю, спать тебе придется на полу.

Я издаю мрачный смешок и веду ее к кровати.

– Садись.

Она переводит взгляд с меня на кровать. Нотка паники появляется в ее аромате.

– Зачем?

Я киваю в сторону оставленного на тумбочке кувшина с теплой водой. Он стал последней просьбой, с которой я обратился к мадам Дезире.

– Ты ранена. Нужно привести тебя в порядок.

Она многозначительно смотрит на мою грудь взволнованным взглядом. Глазами, которые я все еще не могу разглядеть. Глазами, выражение которых я могу только понять.

– Ты тоже ранен. Почему бы тебе не привести себя в порядок?

– Я позабочусь о себе позже. Кроме того, я же чистокровный фейри. Мои раны уже зажили.

– Откуда ты знаешь, что мои не зажили? Я же не простой человек.

Ядвигаю челюстью из стороны в сторону. Она что, обязана не соглашаться с каждым словом, что я говорю?

– Я знаю, что твои раны еще не зажили, потому что с твоего локтя до сих пор капает кровь.

Она опускает взгляд на свободную руку, на которой от запястья до предплечья тянется царапина. На локте рана глубоже. С него и стекают алые струйки. Я могу только представлять, насколько хуже обстояло дело, прежде чем ее врожденный дар исцеления дал о себе знать. Или она еще даже не начала исцеляться? Как бы то ни было, раны не должны выглядеть так плохо на теле того, в ком течет кровь фейри.

Астрид наклоняется вперед и подносит руку к губам, словно подавляя рвотный позыв.

– О нет. Рана кровоточит.

– Я так и сказал, – приподнимаю я бровь. – Ты боишься вида крови?

Астрид кивает и, слегка покачиваясь, опускает дрожащую руку в карман юбки, чтобы извлечь маленький флакон. Я, прищурившись, смотрю, как она поворачивает крышку и достает стеклянную пипетку. От аромата пурпурного малуса, наполняющего воздух, у меня кровь стынет в жилах.

Яд.

Тот самый, который убил ее отца.

– Не осуждай меня, – просит она напряженным голосом.

Астрид запрокидывает голову и дрожащими руками выжимает две капли себе под язык. После чего, казалось бы, передунав, она добавляет и третью.

Мои плечи напрягаются, а мышцы перекачиваются от ярости. Пурпурный малус – мерзкий наркотик, который вредит не только людям, но и фейри. Эта настойка разрушает жизни. Семьи. И вот Астрид нагло глотает его, будто какой-то нектар. Как она могла быть настолько безрассудной, чтобы принять этот наркотик прямо у меня на глазах?

Девушка прячет флакон в карман и, прикрыв глаза, медленно выдыхает.

– Мне это действительно было нужно.

Ее аромат становится более приглушенным, мягким. Лимон, яблоко и утренняя роса сливаются в гармоничную смесь.

Напряженный, я стою рядом с кроватью, не зная, как реагировать. Не зная, как затушить гнев, овладевший моим сердцем... и воспоминания, которые он выталкивает на поверхность.

Мягкий голос, лишенный всяких чувств.

Спокойное, отсутствующее выражение.

Холодные, вялые руки...

Астрид мечтательно вздыхает, возвращая меня к реальности.

– Теперь я чувствую себя намного лучше, – говорит она с легкостью в голосе.

– Ты просто одурманена ядом, – отвечаю я сердито. Я смутно замечаю мягкую улыбку, играющую на ее губах, хотя ее рот, как и лицо, остается спрятанным за дымкой.

Астрид встречается со мной взглядом.

– Я же говорила тебе, что принимаю настойку, чтобы контролировать свое настроение.

– Я думал, ты принимаешь ее, чтобы контролировать впечатление, которое производишь при знакомстве.

– Верно, – говорит она с ноткой высокомерного негодования в голосе. После этого ее запах наполняется чувством вины. – Но я принимаю ее и для себя тоже.

– Почему?

Она переминается с ноги на ногу.

– С тех пор как умер мой отец, мне... нелегко справляться с эмоциями. Мне не нравится, что я чувствую, когда действие пурпурного малуса проходит.

– Вероятно, это связано с отказом от наркотика, вот и все.

– Нет, – поспешно возражает Астрид. – Это... Это... ты не поймешь. Ты думаешь, что я виновата в его смерти, поэтому не сможешь понять, какое горе я испытываю. – На последнем слове ее голос срывается.

Этого достаточно, чтобы лишить меня части самообладания, чтобы прорваться сквозь гнев, который я испытывал всего минуту назад. Правда в том, что мне известно, какое

горе она переживает. Так же как и то, что она действительно страдает. Прямо под профилем ее аромата, там, где запах росы сливается с ароматом штормового моря, зависает темная нотка.

Нотка печали. Я слишком хорошо знаком с этой эмоцией, чтобы не распознать ее, независимо от того, каким именно образом она выражается в личном аромате Астрид.

– Садись уже, – говорю я, доставая тряпку из кувшина и макая ее в теплую воду.

На этот раз Астрид повинуется. Возможно, мне стоит быть благодарным за смягчающий эффект, который яд оказывает на нее. Я опускаюсь на одно колено и подношу ткань к ее руке. Прежде чем я успеваю прикоснуться к ране, Астрид отодвигается.

– Что ты делаешь?

Я бросаю на нее раздраженный взгляд. Когда она сидит, а я стою на коленях, наши глаза оказываются почти на одном уровне.

– А на что это похоже?

– Не прикасайся к порезу. Мне будет больно. – Она бросает взгляд на свой локоть и быстро отводит глаза. Ее голос повышается почти на октаву. – Кровь все еще бежит.

Чтобы на этот раз она не смогла вырваться, я обхватываю ее запястье скованной наручниками рукой и подношу ткань к ране. Начиная с запястья, я осторожно вытираю засохшую кровь. Астрид сжимает губы, чтобы не взвыть от боли. Она

зажмуривается и отклоняет голову так далеко от меня, как только может. Я закатываю глаза.

– Что за отношения у тебя такие с кровью?

– Мне она не нравится.

– Когда я откусывал голову огру, ты не выглядела слишком потрясенной. И ты даже не поморщилась, когда увидела меня, покрытого кровью. Да и во время боя в Отделе Гнева ты была будто бы заморожена. Разве ты не знала, что дуэль может закончиться кровопролитием?

Наконец Астрид открывает глаза и свирепо смотрит на меня.

– Меня пугает вид *моей* крови.

– Ну, должно быть, это очень неудобно, – говорю я с ухмылкой. – Разве у тебя не бывает ежемесячных кровотечений?

– Это совсем другое. – Ее аромат вспыхивает от смущения. – Ты вообще не должен упоминать о таких вещах. Ты хоть представляешь, насколько это личное?

Я качаю головой.

– Ты наполовину человек, верно?

Раздраженно фыркнув, Астрид снова отворачивается.

Я продолжаю промывать ее рану, медленно продвигаясь вверх по руке. В комнате воцаряется тишина, время от времени нарушаемая шипением от боли. Наконец я дотягиваюсь до ее локтя, места, которое, очевидно, обрабатывать будет еще больше. Несмотря на то что я предпочел бы заниматься

этим в тишине, думаю, лучше отвлечь ее.

– Ты работаешь на мадам Дезире.

– Да. – Ответ сопровождается вздрагиванием.

– Но не так, как другие девушки.

– Нет, – выпаливает Астрид. – Я сваха.

Значит, я все-таки ошибался насчет нее.

– Почему ты не умоляла свою начальницу спасти тебя, когда она нашла нас в переулке? Не то чтобы я жаловался.

– Я же обещала спокойно следовать за тобой в обмен на шанс доказать свою невиновность. Кроме того, как только ты показал монету, я поняла, что у меня нет никакого шанса переубедить ее.

Я снова опускаю тряпку в кувшин и отжимаю воду цвета ржавчины. Снова прижимая ткань к локтю Астрид, я спрашиваю:

– Что значит у тебя не было шанса переубедить ее?

Астрид громко выдыхает.

– Все из-за моей магии.

Я размышляю, что она имеет в виду под этим. Основываясь на том, что она уже рассказала мне, я могу найти только одно объяснение.

– Ты произвела плохое впечатление, когда вы впервые встретились? Из-за... твоего настроения?

– Ну, не совсем. Даже если я произвожу положительное впечатление, часто наступает момент, когда чьи-то лучшие качества, отраженные в зеркале, вызывают у другого челове-

ка негативные чувства. Так происходит не всегда, но если в деле замешана зависть, все может закончиться плохо. Мадам Дезире всегда была добра ко мне, но ее мнение начинает меняться. Она подозревает, что я обладаю худшими аспектами ее лучших качеств.

На мгновение я задумываюсь над услышанным. Магия Астрид действительно странная, я с такой раньше не сталкивался. Я до сих пор не могу понять, почему вижу ее именно такой. Почему так сильно хочу защитить эту раздражающую незнакомку.

– И все же зачем ты привел нас сюда? – спрашивает Астрид.

– Мне нужно было место, где мы могли бы переночевать. – Я замолкаю, но есть правда, которую все же стоит признать. – Нападение огра не было случайностью. Кто-то заманил меня в тот сад. Кто-то вломился в мою комнату и украл Колесницу.

Она смотрит на меня, нахмутив брови.

– Что такое Колесница?

– Устройство, которое позволяет мгновенно перемещаться. Вору было известно, что оно у меня. Иначе как еще он мог его найти? Это не какое-то гигантское хитроумное приспособление. Колесница маленькая. Совсем не бросается в глаза обычному наблюдателю. Любой, кто не знает, что искать, подумал бы, что это пудреница или табакерка. Вор должен был знать, что это устройство у меня, и знать принципы

его работы, потому что догадался, где именно искать.

– Этот предмет ты так хотел вернуть после того, как мы покинули твою комнату?

– Да, и я больше не хотел ночевать в своем номере. Тот факт, что огр атаковал и тебя, подсказывает мне, что в твоей комнате тоже небезопасно.

– Хочешь сказать, что кто-то специально послал огра?

Я киваю.

– После боя в Отделе Гнева Мертис не мог добраться до моей комнаты так скоро. Максимум до сада. Судя по аромату, оставленному вором, он был в моей комнате во время дуэли и ушел незадолго до ее окончания. Он намеренно замаскировал свой аромат запахом цветов и повел меня в сад, где мое обоняние было слишком перегружено, чтобы учуять огра.

Астрид беспокойно ерзает на кровати. На этот раз не из-за того, что я промываю ее рану.

– Если вор все еще на свободе, почему ты думаешь, что здесь мы в безопасности?

Я заканчиваю протирать ее локоть и провожу тряпкой по остальной части руки. Рана, похоже, перестала кровоточить, поэтому я осторожно поворачиваю запястье Астрид в поисках других повреждений.

– Я так не думаю. Тот факт, что нападение было совершенно ночью, после того как улицы опустели, наводит на мысль, что наш скрытый противник хотел, чтобы все прошло тихо

и незаметно. Эта комната, по крайней мере, обеспечивает некоторое подобие защиты. Полагаю, мадам Дезире не пускает в свой бордель кого попало.

– Нет. Особенно так поздно. Думаю, она позволила тебе заселиться ночью только потому, что ты дал разрешение записать все расходы на счет Совета Альфы. Ночевки здесь стоят очень дорого.

Я бурчу что-то неразборчивое в ответ и заканчиваю осматривать ее руку. Убедившись, что других ран нет, я снова отжимаю ткань. После этого я поднимаюсь на ноги и протягиваю тряпку Астрид. Прежде чем принять ее, она вопросительно смотрит мне в глаза.

– Я... я не вижу, есть ли раны на твоем лице, так что помой его сама.

Она выхватывает тряпку из моих рук.

– Большое тебе спасибо, но и о локте я могла позаботиться сама.

Я усмехаюсь.

– Не очень верится, учитывая, как ты хныкала при виде крови.

Астрид не находит, что ответить, и неохотно подносит тряпку к щеке. Я ловлю себя на том, что смотрю на нее, желая разглядеть что-то большее, чем просто смутное изображение. Даже наблюдая, как она яростно трет свою кожу, я не замечаю ничего осязаемого. Я знаю, что Астрид хмурится, но ее губы остаются бесцветными. Я знаю, что она жму-

рится, но ее глаза не имеют четкой формы. Ее волосы – темное пятно. Неужели все видят эту девушку такой? Неужели я озадачен тем, что вижу, только потому, что знаю, как наблюдать? Полагаю, любой ничего не подозревающий зритель просто потерял бы интерес к туманному видению и перевел бы взгляд.

Астрид заканчивает вытирать лицо и подносит тряпку к другой руке.

– Итак... – медленно протягивает она. – Кто-то выманил тебя из комнаты в сад, где на нас напал огр. И этот кто-то знал, где тебя искать, понял твои слабости. Вдобавок он украл странное устройство, о наличии которого, как я предполагаю, не многим было известно.

– Да, и я собираюсь выяснить, кто это сделал.

Астрид заканчивает вытирать руку и возвращает тряпку в кувшин. Она опускает плечи, а ее аромат темнеет, омраченный чем-то похожим на горе.

– Я знаю, кто это сделал. Тот же человек, что убил моего отца.

Меня переполняют шок, любопытство и подозрение того, что она пытается обвести меня вокруг пальца. Первые два инстинкта пересиливают третий.

– Кто же это?

Астрид встречается со мной взглядом.

– Королева Трис.

Глава X

АСТРИД

Несколько мгновений Охотник просто моргает, глядя на меня с отсутствующим выражением лица. А после его каменная маска начинает медленно трескаться. Сначала он прищуривает глаза. Затем растягивает губы. И наконец запрокидывает голову... и смеется.

– В этом нет ничего смешного, Охотник. Я говорю серьезно.

Ему требуется несколько мгновений, чтобы хотя бы немного успокоиться. В это время мои щеки становятся все краснее. Не знаю, злит ли меня его поведение или смущает. Когда моему похитителю удастся перестать смеяться, на его губах сохраняется улыбка, от которой в уголках глаз собираются морщинки. При виде этого с моим животом происходит что-то странное.

– Ты могла бы придумать тысячу других вариантов, как доказать собственную невиновность, – произносит он, – но говорить, что королева Трис убила Эдмунда Сноу, своего любимого мужа... Хорошая попытка.

– Ты смеешься над смертью моего отца, Охотник.

Это стирает улыбку с его лица.

– Я готова ответить за каждое слово. Настоящий убийца

– королева Трис.

Он хмурится, изучая мое лицо. Или то, что может видеть в нем. Я не отвожу взгляд, разыскивая в его глазах свое отражение. Раз или два мне удалось мельком разглядеть его, но всегда я видела одно и то же, – что-то маленькое, слабое и уязвимое. Качества, которых мой похититель, похоже, лишен как в положительном, так и в отрицательном проявлении. Само впечатление кажется старым, потертым по краям. Никогда раньше подобного не случилось.

Охотник ворчливо вздыхает.

– Отлично. Так и быть, расскажи мне. Почему ты так уверена, что именно королева убила твоего отца? Какой мотив у нее мог бы быть?

Я покусываю нижнюю губу, подбирая слова. Это мой шанс. Просто сказать правду будет недостаточно. Каждое мое слово должно звучать убедительно. Логично.

– Королева Трис не хотела убивать моего отца. Она пыталась отравить меня.

– Зачем ей использовать столь слабый яд против кого-то с кровью фейри?

Я задаюсь тем же вопросом с тех пор, как Охотник сказал, что виной всему стал пурпурный малус. Еще до того, как это стало известно, я уже была уверена, что моего отца отравили. Также я предполагала, что упомянутый яд содержался

в пироге. Однако тип используемого яда заставил меня усомниться в собственной теории.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.